

СЕРГЕЙ
МУН

ВЕТЕР времен

судьбы людей
в пламени эпохи...

RED. Сквозь века

Сергей Мун
Ветер времён

«ЭКСМО»

2022

Мун С.

Ветер времён / С. Мун — «Эксмо», 2022 — (RED. Сквозь века)

ISBN 978-5-04-171849-7

Седьмой век нашей эры. Эпоха Троецарствия на Корейском полуострове. Борьба трёх великих государств друг с другом и с внешней угрозой, со стороны китайской империи Тан. Люди сгорают в огне пламенного века, но при этом — так отчаянно пытаются строить собственные судьбы. Как сложится судьба героев и чья правда поможет выжить? Выжить, чтобы победить. Комментарий Редакции: Насквозь пронизанный тонкой восточной культурой, художественный исторический роман "Ветер времён" впечатляет своей масштабностью, многослойностью и отсутствием всяческих аналогов. Волнующее погружение в экзотическую и неоднозначную эпоху.

ISBN 978-5-04-171849-7

© Мун С., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Книга первая	5
Увертюра	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	14
Часть 2	16
Глава 1	16
Глава 2	17
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	22
Часть 3	24
Глава 1	24
Глава 2	25
Глава 3	26
Глава 4	28
Глава 5	30
Часть 4	34
Глава 1	34
Глава 2	37
Глава 3	38
Глава 4	41
Часть 5	43
Глава 1	43
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Мун

Ветер времён

Книга первая

Увертюра

Весело и беззаботно журча, лёгкий ручеёк, сбежавший в сторону от шумного водопада, шелестел, перепрыгивая с камня на камень. Иногда, на мгновение замирая, он с новой силой выплёскивался радужным фонтанчиком, словно, играя с маленькой птичкой, полоскавшей свои крылышки в небольшом каменном углублении.

Вдруг, сквозь журчание ручейка и удалённый шум водопада, раздался грохот осыпавшихся камней. Птичка замерла и покрутила своей маленькой головкой. Затем она тревожно чирикнула и вспорхнула, едва успев избежать большой неприятности. Плоский серый камень, с треском раскололся на месте, где она сидела мгновение назад. Камни, большие и маленькие, летели откуда-то с самой вершины.

Огромная чешуйчатая лапа с грозными когтями неуклонно соскальзывала, откалывая куски скалы и отправляя вниз новую порцию камнепада.

Наконец, сделав пару глубоких взмахов мощными крыльями, Дракон привёл своё тело в равновесие и устойчиво укрепился на бурой скалистой вершине.

Чуть наклонив голову, он всматривался вдаль. Там, у самого горизонта, чуть искажая очертания деревьев, гор и облаков, едва заметно колебался воздух. Это прозрачное мерцание быстро и неумолимо приближалось, словно ветер, ворвавшийся в долину. Вот он уже достиг самой вершины, грозя начать свой разрушительный танец. Но, его никто не замечал. Ни трава, ни листва на деревьях... Всё оставалось в своём спокойном состоянии.

И только Дракон видел, как он проходит сквозь деревья, горы и сквозь него самого, взрываясь в сознании мгновенными вспышками ярких образов и заставляя сердце биться ещё сильнее.

Это был не тот ветер, что вздымает волны и рвёт паруса. Не тот, который приносит тучи и бьёт холодным дождём по лицу.

Это был ветер жестокой неизбежности. Тот, что сметает города и страны, события и чувства... И, запечатывая в своих недрах, уносит всё это на край Вселенной.

Чуть выгнув шею, Дракон потянул ноздрями и прикрыл глаза. Он давно не встречал его, но сразу узнал своего старого знакомого.

Да. Это был он – **ВЕТЕР ВРЕМЁН**.

Часть 1 Когурё

Глава 1

Серое небо сгущалось и тяжелело перед грозой. Смолкли птицы. Где-то в кронах кривых кедров допевали последние цикады. Тишина, смешиваясь с тягучим жарким воздухом, давила на виски. Казалось, тяжёлый воздух устроил вес, зажатого в ладони, меча. Сильная рука как-то неуверенно двигала клинком, будто вспоминая забытое упражнение.

Большая каменная площадка, обрываясь пропастью глубокого ущелья, другим своим краем упиралась в ступеньки небольшого храма, пристроенного к серой скале.

Прямо у ступенек, наблюдая за движениями человека с мечом, стояли трое буддийских монахов. Один из них, с седой бородой и в длинной серой одежде, в согнутой перед собой левой руке держал чётки из тёмно-синих лазуритовых шариков.

Человек с мечом продолжал так же неуверенно двигаться по площадке. Это был мужчина средних лет с голым торсом, вид которого вполне соответствовал общей картине горного храма. Но приглядевшись внимательнее, можно было заметить некоторые детали, не совсем уместные в этом уголке простоты и аскетизма. Покрой коричневых штанов, заправленных в сапоги из первоклассной кожи. Инкрустированные ножны меча, оставленные на каменных ступенях. И наконец, висевший на груди, круглый золотой медальон с изображением странной птицы на трёх лапах...

По движениям руки с мечом опытный взгляд определил бы в человеке искусного мастера. Тем более непонятными были его неуверенность и сомнения на лице. Казалось, его внутренняя сущность находилась сейчас где-то далеко от этого места...

Лица наблюдавших за упражнениями не выдавали никаких эмоций. Лишь в руке с чётками угадывалось едва уловимое напряжение – большой палец застыл на очередном шарике, чуть заметно покачивая его из стороны в сторону.

Меч продолжал лениво толкать плотный, душный перед грозой, воздух. Цикады совсем смолкли, и тишина стала превращаться в пустоту. Казалось, всё вокруг замедляется... Но вот... Первая капля упала на поднятое кверху остриё и медленно рывками поползла вниз по зеркально отполированному клинку. Откуда-то из глубин ущелья, с перемешанным запахом травы и цветов, освежающей прохладой на площадку ворвался ветер. Ударив в лицо человека с мечом, он зашевелил его волосами и, проникнув в ноздри, казалось, достиг самого мозга.

Человек раскрыл шире глаза и сделал глубокий вдох. Губы плотно сжались. Взгляд стал ясным и твёрдым. Медленно и плавно он отвёл руку с мечом назад и, застыв на мгновение, сделал молниеносный выпад вперёд, хлестнув по воздуху клинком.

Большой палец седого монаха на мгновение замер и резко со стуком щёлкнул шарик вдоль по нитке...

Где-то за горой сверкнула молния. Зашелестел дождь. Оживший клинок летал, рассекая потоки капель. Каждое движение было наполнено одухотворённостью. Казалось, он писал картину или поэму... Атакующие связки были непохожими друг на друга. Сверкающий клинок то: безжалостно разрубал все дождевые потоки, попадавшие на пути... То вдруг резко останавливался, будто щадя некоторые из них. Сильные ноги отточенными движениями перемещали человека: то вправо, то влево, вверх, вперёд, на разворот... Всё убыстрялось. Где-то над головой загрохотал гром. Вкладывая последние силы, человек приближался к финалу схватки... со своими сомнениями. Согнув ногу, он выпрыгнул высоко вверх и, уже приземля-

ясь на одно колено, нанёс завершающий широкий горизонтальный удар клинком, рассёкший всё пространство впереди себя.

Гроза откатывалась за гору. За ней быстро перемещался и дождь. Потоки воды скатывались под уклон к краю площадки и исчезали в пропасти. Тучи, постепенно расходясь, выпустили краешек голубого неба и первый лучик солнца, сразу засверкавший мелкими каплями в траве. Затрещали первые нетерпеливые цикады.

Человек поднялся с колена и, улыбнувшись, зашагал к ступенькам храма. Положив рядом с ножами ещё мокрый меч, он подошёл к монахам и поклонился.

– Учитель!

Седой монах поднял взгляд на человека перед собой и плавно передвинул ещё один шарик на чётках.

– Учитель! Я... – Человек задумчиво замолчал.

– Знаю. Я всё видел. – Старик слегка улыбнулся. – Ты принял решение.

– Да, Учитель! – Человек поднял взгляд.

– Ты нашёл все ответы? – Большой палец замер на очередном синем шарике.

– Нет, Учитель! Я их не нашёл. – Человек опустил взгляд, но тут же твёрдо вскинул его прямо в глаза старика. – Но решение я принял!

Большой палец седого монаха щёлкнул ещё одним синим шариком. Взгляд потеплел. Старик непроизвольно поднял руку и удовлетворённо пригладил кончик седой бороды...

Глава 2

– И что? Он прямо так и сказал? – Человек в широкой богатой накидке из золотой парчи удивлённо скривил губы и взял со стола грубый керамический кубок.

Его собеседник, с аккуратно подстриженной бородой и в одежде когурёского чиновника, также взял свой кубок и, отхлебнув из него, откинулся на резную спинку кресла.

– Я и сам был удивлён. Да и не только я. Вы не представляете – какой там был скандал. – Чиновник снова отхлебнул из кубка. – Да. Он сказал, что это его решение.

– Но... Но как такое вообще возможно! Чтобы командующий сам... по своей воле ушёл с поста! – Человек в парчовой накидке покачал головой. При этом золотая подвеска в его замысловатой помпезной причёске тихо зазвенела. – Нет, ну... Нас, конечно, это радует. Это довольно благоприятное обстоятельство... Но мне кажется, здесь есть какое-то скрытое намерение. Генерал, который выступает против войны...

– Извините, господин! Но вы не совсем правильно поняли. Если бы речь шла о войне с вашей империей, то, я думаю, его не пришлось бы уговаривать. Да вы и сами знаете. Но война с братскими народами Силла¹ и Пэкче... Это совсем другое дело, и думаю, он не единственный в Когурё, кто так считает. Просто он сказал об этом прямо.

– Да какие там ещё братья! Уже несколько веков вы грызётесь между собой. Отбираете друг у друга земли, крепости... А когда кто-то приходит с нашей стороны, начинаете обзывать нас захватчиками. – Человек в золотой накидке поморщился и со стуком поставил кубок на стол.

– Вы, как всегда, правы. И всё же... Одни корни, одни обычаи... – Чиновник посмотрел на собеседника и, увидев, как тот нахмурил брови, словно спохватившись, приподнялся и, взяв маленький кувшинчик, уважительно двумя руками подлил вина в поставленный на стол кубок. – Но я с вами совершенно согласен! Времена изменились. Новая жизнь требует новых взглядов, новых людей... И наш новый правитель тоже это понимает. Поэтому не беспокойтесь. Война с Силла будет уже скоро.

---

¹ Здесь и далее во всех названиях и именах персонажей – ударение на последний слог.

– Да, уж пора бы... А кстати, генерал уходит. А куда? Какие у него планы? Известно что-нибудь?

– Сказал, что забирает свою семью и уходит в горы.

– Вот как! И что это? Хочет привлечь к себе внимание?

– Я не думаю. – Чиновник задумчиво водил пальцем по кубку.

– Вы знаете, я бы не очень полагался на это его... Даже если он действительно собирается сделать так, как говорит... Он всегда может передумать и вернуться. Пожалуй... Я думаю, вам надо об этом позаботиться. – Человек в золотой накидке пристально посмотрел в глаза чиновнику. – Нельзя допустить, чтобы он вернулся. Тем более там, в горах... Это ведь совсем не трудно будет сделать?

Откинувшись на спинку кресла, чиновник задумчиво кивал головой, но вдруг словно спохватившись, подскочил на месте.

– Что вы! О, Будда! Это невозможно! Никто в Когурё не пойдёт на это. Авторитет генерала настолько... Нет-нет! Это полная бессмыслица! – Чиновник схватил со стола свой кубок и выпил содержимое залпом.

– А может, вам стоит подыскать – кого-то из мохэ²? – Подперев голову рукой, он задумчиво постукивал указательным пальцем по резному подлокотнику. – Эти дикари... Они ведь ваши союзники? К тому же... весьма недалёкие и свирепые.

– Мохэ? – Чиновник укоризненно посмотрел на собеседника, словно, на ничего не понимающего ребёнка. – Да. Они, конечно, разбойники. Но генерал с их вождём – чуть ли не кровные братья. Когда-то в молодости он помог их племени отбиться от ваших предшественников – Суй. Так что, генерал у них ещё больший национальный герой, чем даже у нас в Когурё. – Чиновник, махая руками, тряс головой. – Нет! Нет! Это невозможно! Никак!

– Ну, ладно-ладно! Успокойтесь! – Человек в золотой накидке задумчиво покрутил перед глазами свой кубок. – Ну что ж. Хорошо. Это мы возьмём на себя. – Залпом допив остатки вина, он поставил кубок на стол.

Глава 3

Древко стрелы, закончив мелко дрожать, замерло. Наконечник больше чем наполовину плотно засел в шарообразном наросте кривого кедра. Вторая стрела ударила рядом с первой, но уже слабее и, качнувшись, отвалилась. Перевернувшись в воздухе, она дважды ударилась о ствол и упала на траву.

Губы мальчика досадно сжались. Он тряхнул головой и нахмурил брови. На лице начали проступать первые признаки, подступавшей ярости... Но вдруг, словно что-то вспомнив, мальчик вытянулся и медленно опустил руки. Лицо застыло каменной маской. Через мгновение он слегка прикрыл веки и, глубоко вздохнув, потянул следующую стрелу из висевшего на поясе бамбукового колчана.

Мужчина, наблюдавший за мальчиком, улыбнулся. Он сидел, поджав ноги, прямо на траве, в тени раскидистого дерева посреди большой поляны, окружённой высокими чёрными скалами. Слегка откинувшись, мужчина передвинул выше, затруднявший сидячее положение, широкий кожаный пояс. При этом движении солнечный лучик, пробившийся сквозь зелёную крону, задел висевший на груди круглый медальон. Трёхлапая птица сверкнула золотым блеском в ответ.

Окинув взглядом поляну, мужчина посмотрел вдаль. Зелёные вблизи и далее бледные, в синеватой дымке, плавные холмы гор тянулись до самого горизонта. Свежий горный ветер приятно обдувал лицо, наполняя грудь спокойствием.

---

² Мохэ – народ, живший на севере Манчжурии, предки чжурчжэней и, соответственно, маньчжуров.

Расслабленно улыбаясь, мужчина подумал, что уже очень давно не чувствовал такого умиротворения и лёгкости на душе. Казалось, он сбросил с себя тяжёлые оковы тревог, постоянной ответственности, опасений принять неправильное решение...

В решении же, принятом им накануне, он был уверен и считал его единственно правильным в данной ситуации.

Ситуация эта имела возраст почти в шесть столетий и была впоследствии названа эпохой Троецарствия. Три Великих государства: Когурё, Силла и Пэкче. Вышедшие из одних этнических корней и имевшие во многом схожую культуру, эти три народа даже имели одну и ту же цель, одну национальную идею. Состояла она в объединении всех трёх царств в единое государство. Но, несмотря на общее желание, все усилия не приводили к каким-либо результатам.

Основной причиной этого было то обстоятельство, что каждый видел результат по-своему. В Когурё считали, что это должно быть одно большое Когурё. Силасцы видели это новое государство огромным, поглотившим всё вокруг, Силла. Ну и, разумеется, в Пэкче мечтали о новом Великом Объединённом Пэкче...

Сложная задача. Многие выдающиеся люди во всех трёх странах несколько веков пытались найти её решение, но так и не находили.

Не находил этого решения и когурёский генерал Ыльчи Мун Док. Осознавая, что великая задача остаётся для него непосильной, а так же чувствуя, что время его на Земле подходит к завершению, он принял решение: «Если не можешь остановить неправильную войну, то хотя бы просто не принимай в ней участия».

– Отец!

Оторвавшись от своих мыслей, генерал поднял голову.

– Отец, посмотрите! – Мальчик шёл с довольной улыбкой на лице, время от времени оборачиваясь и указывая рукой куда-то назад. Посмотрев в ту сторону, генерал увидел пять стрел, кучно торчавших, в наросте дерева. Однако, приглядевшись, он не нашёл той, что упала в траву.

Гордость в глазах и радостная улыбка. Мальчик бодро шагал, размахивая руками и распахивая носками сапог маленькие камешки. Но, уже подходя к генералу, он внутренне собрался и, смахнув с лица улыбку, зашагал медленнее. Подойдя, он на мгновение замер и поклонился.

– Отец!

Мальчик наклонил голову, и генерал улыбнулся.

– Неплохо, Доксун³! Вот только... что-то я не заметил ту стрелу, которая упала. Она ведь там была?

– Да, отец! Я её перезапустил. – Глаза мальчика светились гордостью. – Чтобы она не портила результат.

– Ах, вот оно что! Чтобы не портила результат! – Задумавшись на мгновение, генерал усмехнулся.

Почувствовав неладное, мальчик тревожно посмотрел в глаза отцу.

– Я... Я что-то... неправильно сделал?

– Ну... Можно, конечно, и так... – Слегка улыбнувшись, генерал посмотрел в глаза сыну. – Результат получился красивый. Но... Он ведь не настоящий.

До мальчика начало доходить. Он медленно опустил голову.

– Та стрела, что упала на траву, и которую ты, постыдившись, запустил заново, была для тебя самой ценной. Она принесла тебе больше пользы, чем те, что попали в цель. Вернее, она принесла бы больше пользы. Если бы ты не попытался вычеркнуть её из своей памяти.

---

³ Здесь и далее во всех именах и названиях – ударение на последний слог.

Мальчик совсем поник, и генерал, улыбнувшись, продолжил более мягко.

– Подойди! Сядь рядом.

Мальчик сел на траву рядом с отцом.

– Доксун, каждый человек рано или поздно совершает ошибки. И их не надо вычёркивать из своей жизни. Память о них поможет тебе не сделать этого в следующий раз. И более того, если после совершения ошибки, ты будешь размышлять о ней, то, возможно, найдёшь ответы и на множество других вопросов.

Мальчик оживился и с любопытством в глазах посмотрел в лицо отца.

– А какие они? Эти другие вопросы?

От неожиданности генерал озадаченно задумался. Но вдруг рассмеялся и похлопал сына по плечу.

– Вообще-то я не имел в виду что-то определённое. Но... Ну что ж, давай попробуем разглядеть что-нибудь интересное. – Генерал с улыбкой прищурился. – Ну, вот например то, как ты сейчас шёл сюда, ко мне. – Генерал указал в ту сторону, откуда пришёл мальчик. – Если пойти и внимательно посмотреть, то, вероятно, можно будет увидеть и смятую траву, и поломанные стебли цветов, раскиданные в стороны камешки, а может быть, и ещё какого-нибудь раздавленного жука или муравья... То есть – все твои следы пребывания в этом месте.

– А это очень плохо? – Пытаясь понять, мальчик пытливо прищурился.

– Ну... Зависит от того, кто и как на это посмотрит. Если, по-моему, то плохо.

– А почему?

– Ну, во-первых, по таким следам тебя всегда могут найти враги.

– Но сейчас же их здесь нет. Если будут, то я постараюсь...

– Чтобы это получилось у тебя в нужный момент, лучше делать это всегда. Где бы ты ни находился. Тогда у тебя появится привычка, навык. Ты даже не будешь об этом задумываться. Всё будет получаться само собой.

Лицо генерала стало серьёзным. Он положил руку на плечо мальчика.

– И вообще. Не оставлять своих следов на Земле без особой необходимости – будет правильным и справедливым. Вот посмотри вокруг! Эти: горы, деревья, трава, какие-нибудь бурундуки и муравьи... Когда мы с тобой сюда пришли, всё это здесь уже было. И нужно с уважением подойти к этому, созданному до нас, порядку вещей. Так же, зайдя в чужой дом или двор, нельзя по своему усмотрению передвинуть ту или иную вещь. А лучше внимательно присмотреться. И тогда, возможно, станет понятно, что эта вещь находится на этом месте не случайно. Если научишься уважать эти: горы, реки, животных, чужой труд, как результат чьей-то мысли, то сумеешь правильно разглядеть своё место и свой путь в этой Жизни. Тогда придёт Мудрость, а с ней – настоящая Сила.

Генерал замолчал и через некоторое время посмотрел на, задумавшегося, сына.

– Доксун! Ты понял что-нибудь?

– О! – Мальчик, словно, очнулся. – Да, отец! Я понял, кажется, всё! – Его взгляд был настолько серьёзен, будто он мгновенно повзрослел на несколько лет.

– Ну что ж... Это значит, что ты уже вырос. И раз так, то... – Генерал снял со своей шеи кожаный шнурок с круглым золотым медальоном и, повесив его на шею мальчика, аккуратно пригладил ладонью.

– Это мне? Уже? Но... Отец, вы же сказали – когда мне исполнится десять... – Взяв медальон в руку, мальчик взволнованно смотрел то на него, то на отца.

– Ну, во-первых, ждать осталось совсем недолго. Месяц пролетит быстро. И потом, – генерал посмотрел в глаза сыну и улыбнулся, – мне кажется, это уже произошло. – Он потрепал сына по голове и, услышав как у того заурчало в животе, весело рассмеялся. – О! Я слышу, как твой живот говорит, что пора обедать. – Резко, натренированным движением, генерал под-

нялся и отряхнул с коленей травинки. – Пойдём домой! Мама, наверное, уже всё приготовила и ждёт нас.

Глава 4

Солнце спряталось за облаками. Стало прохладнее, и ветер сразу перестал быть освежающим и приятным. Здесь, у подножия скал, он дул сильнее, чем внизу, на оставленной позади поляне.

Мальчик шёл за отцом, осторожно ступая по каменистому склону. Он старался делать это аккуратно, оставляя меньше следов «своего пребывания в этом месте». Это было нелегко, но очень интересно. А ещё, вспомнив слова отца, мальчик подумал, что со временем ноги привыкнуть и будут без труда делать это сами. Радуюсь своим мыслям, он пошёл быстрее, догоняя отца.

– А мы теперь всегда будем жить в этом маленьком домике на горе?

Генерал остановился и, переведя дух, обернулся к сыну.

– Наш прошлый дом тебе нравился больше?

– Ну... Этот, конечно, гораздо меньше, чем тот, что у нас был. Но, зато здесь намного интереснее, чем в городе. Только вот... Мне немного жаль, что теперь не могу встречаться с хёном⁴.

– А тебе нравилось с ним общаться? – Генерал присел на небольшой валун.

– Да, отец! – Мальчик радостно улыбнулся. – Он хоть и взрослый уже, но со мной разговаривает, как с равным. И он знает много всего интересного. Вот только... – Мальчик опустил глаза. – Кажется, я не очень нравлюсь его маме.

– Тебя это беспокоит?

– Да, нет. Ведь у меня есть своя мама. – Мальчик поднял взгляд выше, к верхнему краю склона, где уже скоро должен был показаться их новый дом. – О! Кажется, мама немного перестаралась с печкой. – Мальчик, улыбаясь, указал рукой на густой серый дым, поднимавшийся над горой.

Генерал обернулся в ту сторону, куда смотрел мальчик, и встревоженно вскочил с камня. Застыв на мгновение, он рванулся вперёд и, бросив на ходу сыну: «Догоняй!», устремился вверх по склону.

Почувствовав тревогу отца, мальчик мгновенно собрался в жёсткий комок и побежал вслед за генералом. Склон становился круче, и он стал отставать. Отец уже скрылся за краем холма, а мальчик всё продолжал бороться с шуршащими под ногами мелкими камешками. Но вот камни закончились. Дальше пошла мягкая трава, и мальчик ускорился.

Наконец, выбравшись наверх, Доксун окинул взглядом широкое зелёное плато. Дом горел, испуская густой чёрный дым, сквозь который местами прорывалось ярко-красное пламя. Рядом с домом отец бился мечом с какими-то свирепыми бойцами. Они были одеты в звериные шкуры и внешне походили на разбойников. Но при размашистых движениях шкуры распахивались, открывая взгляду ламеллярные доспехи имперских солдат Тан.

Доксун застыл на месте. Мозг мальчика не успевал оценить увиденное. Он машинально обвёл взглядом всё вокруг и вдруг заметил чуть поодаль коричневое пятно на зелёной траве. Вспыхнувшая в голове смутная догадка резко вывела мальчика из оцепенения, и он побежал.

Женщина лежала на спине, раскинув руки. Лицо её было спокойным, глаза закрыты. И Доксун, подбегая, на мгновение подумал, что она уснула прямо здесь, на траве.

– Мама! – Доксун осторожно, словно пытаясь аккуратно разбудить, прикоснулся к руке матери. – Мама!

---

⁴ Хён, хённим – старший брат (корейский). Досл. Хён – мудрость, ним – уважительная приставка.

Её звали Оюн. Она ничем не отличалась от других девушек её селения. Так же следила за порядком в доме своей семьи, так же выделявала звериные шкуры и водила лошадей к реке... Даже ростом, статью и вольным насмешливым взглядом она походила на всех своих сверстниц из народа мохэ. И всё же, хоть внешне это никак не проявлялось, одно отличие было. Она приходилась младшей сестрой вождю племени. И хоть никаких привилегий это положение не предусматривало, оно сыграло определённую роль в судьбе девушки.

Время от времени вождю приходилось бывать в больших городах соседних стран. Рассказы брата о них и невероятно интересные вещи, которые он оттуда привозил – всё это заставляло сердце мечтательной девушки биться сильнее. И поэтому, когда брат сказал, что она должна будет выйти замуж за его друга, когурёского генерала, она согласилась, почти не раздумывая. Тем более что своего будущего супруга она знала уже давно. Он был на много лет старше неё и, несмотря на свои военные заслуги, довольно простым в обращении. А ещё она знала, что у него есть почти взрослый сын от первого брака и... Ну, в общем, и прочие подробности, которые могли интересовать девушку, даже из мохэ, собирающуюся замуж.

Попав впервые в когурёскую столицу – Пхеньян, Оюн была ошеломлена. Это превосходило все её ожидания и фантазии. Величественный дворец, дома, огромный торговый рынок, искусное оформление городского ландшафта, женщины в нарядных платьях, воины в красной униформе и в грозных доспехах и, самое главное, много, очень много людей. Она подумала, что если бы между их народами началась война, то все эти люди могли прийти даже с пустыми руками и просто затоптать всё её племя.

Прошло некоторое время, и постепенно на смену первым восторженным впечатлениям стали приходиться и первые неуютные ощущения. Большой город стал давить на неё. Ей как будто не хватало воздуха, ветра, шума деревьев, ржания лошадей на пастбище... А ещё, Оюн стала замечать надменные, а порой и откровенно насмешливые взгляды. Она чувствовала, что всё делает не так, выглядит не так... Это угнетало девушку, и только дома, рядом с мужем, она вновь ощущала уверенность и спокойствие. Здесь она делилась с ним своими тревогами, и он всегда мудро и с присущим ему юмором развеивал все её страхи. Постепенно с его помощью Оюн изучила местные традиции, обычаи, освоила этикет... И в скором времени перестала отличаться от других когурёских женщин. Это придавало ей больше уверенности, и лишь когда она случайно сталкивалась где-то с бывшей супругой своего мужа или с кем-то из её многочисленных родственников, то снова чувствовала себя чужой и незваной в этом новом и большом мире.

Всё изменилось, когда она родила сына. Казалось, этот маленький пищавший комочек стал последним и решающим штрихом в картине её жизни. Пришло время душевного спокойствия.

Шли годы, Оюн перестала замечать чужие взгляды, чужих людей. Вся её вселенная сузилась до размеров их усадьбы, где, приготовив обед, можно было стоять на высоком крыльце и наблюдать, как муж учит сына стрелять из лука или что-то ему объясняет, указывая на рыб в пруду... Она с улыбкой вспоминала свой благоговейный трепет и восторг от первых столичных впечатлений. Теперь ей было безразлично, что находится или происходит там, за воротами их дома. Поэтому она несколько не расстроилась решением мужа уйти из города и поселиться в маленьком домике в горах. Она знала – для неё это ничего не меняет. Её жизнь останется прежней.

Вот и сегодня утром Оюн, как всегда, проводила мужа с сыном и принялась за свои привычные дела. Наводить порядок в их новом доме было очень легко. Домик был маленьким. И быстро управившись со всеми делами, включая приготовление обеда, она вышла на маленькое крыльцо.

Здесь не было городского гула. Только трещали цикады, и посвистывала какая-то птица в траве. Подул ветер, и запахло кедровой смолой. Оюн вдохнула эту хвойную свежесть и при-

крыла глаза. Вдруг сквозь шелест травы послышалось лошадиное ржание. Молодая женщина удивлённо открыла глаза и посмотрела вдаль.

Конный отряд странных всадников в звериных шкурах медленно приближался со стороны леса. Они выглядели, как мохэ. У одного из них даже был надет на голову боевой мохэский шлем из медвежьего черепа. Но для сестры вождя этого племени всё это выглядело смешной нелепостью. Какая-то смутная догадка мелькнула в голове молодой женщины. И в следующий момент её глаза пронизательно сузились, а губы сложились в презрительной усмешке. Оюн быстро вошла в дом и твёрдым движением сняла со стены лук и полный колчан стрел.

Выйдя во двор, она подошла к низкой изгороди и, вытянув из колчана, положила на тетиву сразу две стрелы. Это был старый способ её племени при отражении атаки, кучно наступавшего врага. Тетива издала вибрирующий звук, и стрелы умчались вдаль. Через несколько мгновений за ними ушла следующая пара. Потом ещё и ещё... И вот, уже несколько тел в звериных шкурах осталось лежать на траве. Оставшиеся прищипорили коней и стали приближаться быстрее.

В молодой женщине проснулась кровь её воинственного племени и, плотно сжав губы, она была твёрдо намерена дать бой тем, кто нёс угрозу её дому. Она вытянула очередную пару стрел, но вдруг в глазах её мелькнула какая-то тревога. Словно что-то вспомнив, молодая женщина замерла на мгновение. Затем развернулась и побежала. Обогнув дом, она легко перелезла через ограду и устремила по зелёной траве к краю плоской горы. Туда, где утром скрылись из вида: муж и сын. В своём боевом азарте, она совсем забыла о них. И сейчас в висках стучало: «Быстрее! Успеть! Остановить! Спаси!»

Сильный толчок в спину. Затем – резкая боль. Молодая женщина, словно споткнувшись, развернулась в воздухе. Она широко раскинула руки и упала на траву, обломав о землю, торчавшую в спине стрелу.

– Мама! – Доксун продолжал трясти руку матери. Он чувствовал всю тщетность своих действий, но отказывался верить в это. Случайно коснувшись земли, он почувствовал что-то мокрое и, одёрнув руку, увидел кровь на своей ладони. Мальчик сел на траву и обмяк. Кажется, он собирается заплакать. Но, вдруг! Его губы перестали дрожать и, плотно сжавшись, приобрели жёсткое выражение. Глаза наливались яростью. Мальчик поднял голову и осмотрелся.

Возле полыхающего дома отец бился с двумя бойцами в звериных шкурах. Ещё двое лежали порубленными у ограды. Где-то сбоку раздались крики, и Доксун увидел ещё троих нападающих, бегущих в сторону дома с мечами наперевес.

Мальчик вскочил на ноги и, выхватив из колчана стрелу, вскинул лук. Он в ярости резко потянул тетиву, но... Перед глазами промелькнула картина: стрела, ударившись о дерево, медленно переворачивается в воздухе и падает на траву. Мальчик остановился и, удобно расставив ноги, сделал вдох. Затем спокойно прицелился и, задержав дыхание, выстрелил.

Стрела ударила в бедро последнего из бегущих. Схватившись за древко, он закрутился на месте и, повалившись на бок, закричал. Первый из троих бойцов, не видя, что происходит у него за спиной, продолжал бежать к дому. Второй оглянулся на крик. Порывав взглядом, он заметил мальчика с луком и рванулся в его сторону.

Доксун сначала испугался, но лёгшая на ладонь вторая стрела вернула его к реальности. При первом выстреле он немного волновался из-за дальности. Теперь же противник, приближаясь, сам сокращал расстояние выстрела. Где-то в глубине души Доксун обрадовался, но тут же, вспомнив о пагубном влиянии эмоций в этом деле, спокойно положил стрелу на тетиву и прицелился.

Второй выстрел оправдал старания мальчика – вражеский боец, выронив меч, схватился за торчавшую в горле стрелу и упал на колени.

Боец в звериной шкуре, наконец, добежал, и бой у полыхающего дома качественно изменился – теперь их стало трое. Удивить или взволновать генерала данным обстоятельством было невозможно. И он просто отметил про себя это изменение ситуации, как вполне логичное и требующее другой тактики.

Обманным выпадом генерал спровоцировал крайнего бойца на атаку, и тот, рванувшись вперёд, перекрыл собой среднего бойца. На несколько секунд нападающих стало опять двое. Воспользовавшись созданной им же ситуацией, генерал резко перешёл от обороны к атаке. Он обрушил на противника каскад сильных ударов: сверху, снизу, сбоку, опять сверху... Боец не поспевал за атакующими движениями. Он растерялся и пропустил сильный удар на уровне виска, снёсший верхнюю половину его черепа.

Перед генералом снова стояли последние двое бойцов, один из которых изрядно устал. Это было заметно по его движениям и выражению глаз. Отметив про себя это обстоятельство, генерал тут же принял решение. Ложной атакой он оттеснил второго бойца. Первый, уставший, поддавшись на уловку, решил перевести дух и на секунду расслабился. Эта ошибка стала для него фатальной. Резко атаковав, генерал выбил из его рук меч и следующим движением рассёк грудь ничего не успевшего предпринять противника. Второй боец с криком пошёл вперёд, и генерал, решив, что пора заканчивать, резко присел под летящим клинком противника и круговым ударом с разворота полоснул его по животу. Боец вскрикнул и упал на одно колено. Генерал сделал вдох и с выдохом нанёс мощный удар противнику в область шеи.

Крыша дома начала местами рушиться, поднимая вокруг клубы искр и пепла. Генерал опустил меч и, переведя дух, осмотрелся. Остановив взгляд на маленькой фигурке, бегущей в его сторону, он узнал сына.

– Отец! Там! Мама! – Доксун бежал, указывая рукой куда-то назад.

Генерал вскинул тревожный взгляд и помчался навстречу сыну.

– Она не умерла? Ведь так, отец? Да? – Доксун присел, заглядывая в глаза отца.

Генерал стоял на коленях и, держа руку жены, печально смотрел прямо перед собой. Он обнял другой рукой сына, прижав его голову к своей груди.

– Всё, Доксун! Всё. Мамы здесь уже нет. Мы сейчас...

Откуда-то издалека послышалось конское ржание. Генерал поднял голову и тут же вскочил. Со стороны дальнего холма на зелёное плоскогорье въезжал большой конный отряд. Они уже не прятались под шкурами. В форменных доспехах, под боевыми танскими знамёнами, во главе со своим начальником с надменным лицом они ровным строем двигались в сторону горящего дома.

– Доксун, беги! Беги в лес! Спрячься так, чтобы, чтобы тебя не нашли! Быстро! – Генерал оттолкнул сына и побежал в противоположную от леса сторону. Он бежал, привлекая к себе внимание, по открытой поляне в направлении возвышенности, оканчивавшейся крутым обрывом.

Глава 5

Весь остаток дня Доксун бродил по лесу, с удовлетворением осозная, что приказ отца выполнен – он спрятался. Да так хорошо это сделал, что перестарался. Тщетно пытаясь определить, где он находится и в какую сторону теперь надо двигаться, мальчик понял, что заблудился. А ещё, он сильно проголодался. И поэтому очень обрадовался, найдя большую гроздь мелких древесных грибов. Он оторвал их от дерева и сел на землю, привалившись спиной к,

заросшему мхом, стволу. Первый же кусочек показал, что грибы вполне съедобные и даже вкусные. Только не солёные. Мальчик вспомнил, что уже ел эти грибы дома. Тогда мама их... А отец говорил, что сырые тоже... Мама. Отец. И тут Доксуна накрыло. Волна реальности, отставшая где-то позади, наконец, догнала его, заставив вспомнить всё: отец, бегущий к обрыву, уводя за собой погоню; вражеский воин с выпученными глазами, упавший на колени и судорожно схватившийся за стрелу в горле; тело матери, раскинувшей руки на зелёной траве...

Мальчик продолжал жевать. При этом лицо его скривилось, а из глаз текли слёзы. Он вытирал их ладонью, вместе с этим, отправляя в рот очередной кусок.

Так он и сидел, прислонившись к дереву. Ел и плакал. Ел и плакал. Пока не заснул.

Солнце скрылось за верхушками деревьев. Уже начинало смеркаться, когда две тёмные фигуры крадучись подобрались к спящему мальчику.

– Ну что там? Живой? – высокий худой мужчина в старой грязной одежде спросил шёпотом, насторожённо оглядываясь по сторонам.

– Да. Вроде, живой. Спит, просто. – Подросток лет пятнадцати склонился над Доксуном. – Наверное... О! Смотри, хённим! Это же... Золото!

– Где? – Высокий наклонился. Стараясь рассмотреть, прищурился и тут же отпрянул, отдёргнув за руку молодого спутника. – Не трогай!

– Ты что, хённим! Мы же теперь разбойники! Да за такой медальон... Это же золото!

– Это не просто золото. Эта вещь о многом говорит.

– Что же такого она говорит?

– Для таких, как мы... Да и не только для таких... Эта вещь говорит: «Беги! Беги далеко и очень быстро!»

Подросток озадаченно посмотрел на старшего товарища, потом – на спящего Доксуна.

– И что? Мы просто уйдём?

Высокий, прикусив губу, задумался.

– Нет, ну... продать-то мальчишку можно. – Высокий посмотрел на спящего, потом – на молодого спутника. – Но штуку эту не трогай. Забудь, что она вообще была. И не проболтайся нигде, если жить хочешь. Понял?

– Понял, понял.

– Ну, если понял, то давай! Держи ему ноги! – Высокий поморщился и вытащил из-за спины мешок.

Зыбкая серая мгла к ночи стала рассеиваться, открывая чёрное, но ясное небо, усеянное яркими звёздами. Такими же яркими, как искры догоравших брёвен, время от времени поднимавшихся ветром. Ветер постоянно менял направление и иногда уносил искры в сторону края площадки. Туда, где на зелёной траве, раскинув руки, лежала женщина в коричневом платье.

Она была сейчас далеко, на крыльце своего дома в Пхеньяне. В раскрытую дверь было видно, как муж сидит за столом и что-то пишет тонкой кисточкой. У пруда с рыбками, смешно перебирая ножками, ходит её сын. Она подумала: «Почему он такой маленький? Ему ведь уже почти десять». Вдруг ворота распахнулись, и во двор вошёл человек в золотой парчовой накидке. Он подошёл к её сыну и, взяв за руку, повёл к воротам. Она закричала, но крика не было. Она обернулась к мужу, но его там не было. Прогремел гром, и весь двор заслонила от солнца огромная тень. Гигантский ворон с тремя лапами налетел на человека в золотой накидке и, вырвав ребёнка из его рук, взмыл вместе с ним к небу. Она закричала: «Док... су-ун!»

Одна искорка, всё же долетев, опустилась на лицо молодой женщины. Оюн открыла глаза...

Часть 2

Силла

Глава 1

Принято считать, что цикады поют. Людей проживающих, в тех широтах, где они не водятся, наверное, данное определение вполне устраивает. Но тот, кто слышит это ежедневно на протяжении большей части календарного года, посчитал бы, что слово «пение» звучит в данном случае несколько кощунственно. Особенно когда ты лежишь весь избитый вдоль и поперёк, и у тебя и без того гудит в голове. Когда ты желаешь только одного – уснуть и забыться, чтобы не чувствовать боли и не помнить, откуда она взялась. И вот этому твоему, казалось бы, довольно простому желанию не суждено сбыться... Потому что эти маленькие демоны, которые, судя по всему, никогда не спят и не едят, режут своим металлическим визгом всё пространство вокруг, а вместе с ним и твою голову.

Осознав, наконец, всю несбыточность своего желания, Минсок открыл один глаз, затем – второй. Пытаясь понять, где находится, мальчик огляделся.

Большое помещение, деревянный настил. По обе стороны длинного прохода – ровные ряды соломенных матрасов.

Пошарив рукой рядом с собой, Минсок понял, что лежит на своей постели в казарме учебного центра хваранов. Он расслабился и снова прикрыл глаза. В голове полетели, одна за другой, картинки прошедшего дня...

– Минсок, сзади!

Он не успел обернуться и получил сильный удар по спине. Деревянный меч, хоть и не может разрубить человека, но оказался он в руках взрослого умелого бойца, а не четырнадцатилетнего подростка из отряда соперников, то такой удар мог стать последним в жизни Минсока. Он закричал и упал на одно колено, опираясь на свой такой же деревянный меч. Удар был по спине, но почему-то потемнело в глазах. Минсок стоял на одном колене и, пытаясь отдышаться, жадно хватал воздух ртом. Его никто не добивал. Не потому, что это было запрещено, правила боевых соревнований были жёсткими, а потому, что его противника оттеснил командир его отряда – Сохён. Он был крепким высоким подростком. И, в отличие от Минсока, уже сейчас блестяще демонстрировал качества необходимые настоящему воину. Поэтому, для него не было большой проблемой взять на себя противника Минсока, в дополнение к своему.

Стук деревянных мечей, крики подростков, поднятая десятками ног пыль... Большая квадратная площадка в центре бревенчатого форта с разноцветными флагами отрядов. Это была учебная база и резиденция хваранов.

Хвараны. Деятельность этой элитной молодёжной организации была направлена на воспитание лучших представителей силлаской молодёжи, способных в будущем повести за собой нацию, став оплотом и защитой государства. Они изучали военное дело и основы морали того времени. Занятия эти в основном заключались в постоянных физических тренировках, направленных на выработку выносливости и укрепление духа учеников.

Минсок никогда не хотел стать хвараном. Все эти тренировки казались ему невероятно скучными. Поэтому ему всегда больше остальных доставалось в схватках, и во время маршбросков по окрестным горам он всегда приходил к финишу последним. А ещё, иногда Минсок высказывал странные мысли, которые не вписывались в привычное понимание окружающих, а лишь вызывали постоянные насмешки.

В общем, в отряде «Летающих магов» Минсок был самым слабым звеном, да ещё и с репутацией не вполне нормального человека. Правда, самого Минсока всё это мало волновало. У него была другая проблема. Некое обстоятельство, разрушившее его прежнюю гармоничную жизнь, а также все надежды и планы.

В проделанной дыре своего соломенного матраса Минсок хранил самую дорогую ему вещь. Он почти не имел возможности пользоваться этой вещью теперь. Но ощущение её присутствия рядом приносило Минсоку спокойствие и надежду. Это была маленькая бамбуковая флейта. Давно, в детстве, он получил её в подарок от своего дедушки. Вскоре дедушка умер, так и не успев научить внука пользоваться инструментом. Но мальчику повезло. Оказалось, его мама в дни своей юности играла на похожей флейте. Она научила его извлекать звуки из маленького инструмента и слышать музыку. И музыку эту Минсок слышал теперь, и даже видел, буквально во всём. И в дожде, и в колышущейся траве, и в прыгающих с ветки на ветку воробьях... Если бы Минсок только мог, то он бы остался в этом мире волнующих звуков навсегда и даже, возможно, сделал бы это своей профессией... Но. Дворянский титул его отца бесповоротно ставил крест на такой желанной и несбыточной перспективе.

Теперь Минсок попал в совершенно другой мир. Здесь не было ни плавного течения реки, ни лёгких взмахов веера в руке матери, ни соседской девочки, качающейся на качелях... Здесь были только резкие крики, топот десятков ног, да стук деревянных мечей. И музыка... исчезла. Всё пространство вокруг заполнила пустота с какофонией бессмысленных звуков.

А теперь ещё, вдобавок ко всему: боль в спине, разбитая голова и эти проклятушие цикады... Минсок вздохнул и обречённо опустил голову на матрас.

Глава 2

Сильный, но тёплый ветер шелестел разноцветными флагами над фортком. На площадке внизу сошлись в контрольной схватке оранжевые «Летающие маги» и зелёные «Стражи царства». По всем сторонам, за пределами площадки, ровными квадратами выстроились остальные отряды хваранов. На трибунах вокруг ристалища разместились высшие военные чины и члены Совета дворянства.

Чуть ниже и ближе к площадке, на центральной трибуне, под богато украшенным балдахином сидела молодая девушка в изысканном наряде и с вуалью на лице.

Это была принцесса Чинсон, носившая звание Хранительницы хваранов. Происхождение этого почётного титула имело свою непростую историю. Дело в том, что вся деятельность института хваранов подчинялась внутренним традициям, кодексам и законам. Вмешиваться в эти процессы напрямую не имел права даже король. В то же время, дворянство имело для этого свои определённые рычаги. Данное преимущество обуславливалось тем, что в подавляющем большинстве хваранами являлись юноши из аристократических семей, которые так же, как и их отцы, сбивались в коалиции и вели политическую деятельность внутри хваранской организации. Ну и, разумеется, эта политика дворянства и их отпрысков имела мало общего с заботами о государстве, а преследовала по большей части только свои меркантильные интересы.

И вот, для того чтобы предотвратить дальнейшее разложение хваранской идеи и получить хоть какой-то контроль над воспитанием подрастающего поколения силлаского общества, королевскому двору, с большими ухищрениями, удалось всё же провести решение об учреждении якобы, просто, почётной и формальной должности в этой молодёжной организации. Называлась она – Хранительница хваранов. И со времён короля Чинпхёна эту должность всегда занимала одна из принцесс. Та, что была способна своей безупречной репутацией, умом, силой духа, ну и, конечно же, красотой вдохновить сотни юношей жить и умереть ради страны и нации, а не только ради обогащения их семей.

Чуть выше и справа от места, где сидела принцесса, в своих белых мантиях разместились члены Совета дворянства. Один из них наклонился к своему старшему соседу.

– Сандэдын⁵! Есть известие от моего человека из дворца.

– Что там? – Старик чуть повернул голову к собеседнику.

– Всё, как мы и предполагали. – Собеседник старика огляделся по сторонам. – Королева умирает. Похоже, со дня на день.

Старик нахмурился.

– Мы ещё никогда не были настолько не готовы к этому. – Старик скривил губы. – У нас до сих пор нет претендента.

– Ну а... – Собеседник старика слегка кивнул в сторону, сидящей на центральной трибуне, принцессы.

– Что! Опять! – Старик поднял брови и чуть не вскочил со своего места. – Третья правящая королева подряд! Вы в своём уме? – Спыхватившись, старик перешёл на шёпот. – Нет, ну нынешняя королева ещё более или менее... Но прошлая... – Старик покачал головой. – Я, конечно, не спорю, королева Сондок сделала огромный вклад в развитие нашей страны. Но чего это стоило нам, дворянству! Сколько нашей крови! И в прямом и в переносном смысле... Нет! Хватит нам королев!

– Ладно, ладно! Успокойтесь, сандэдын! Я не имел в виду ничего конкретного. На глаза попалась принцесса, ну вот я и... Есть же ещё этот... Племянник прошлой королевы.

Старик скептически посмотрел на собеседника.

– Кого? Этого умалишённого щенка! Он же психически ненормальный! Вы видели его глаза? Они, как будто смотрят в разные стороны. А его ненормальная улыбка? Он же застрял в развитии где-то, наверное, в пятилетнем возрасте. – Губы старика презрительно скривились. – Помните, мы принимали решение о закрытии «Цветочного дворца» его матери? Мы должны были формально заручиться его словом. Мать всё-таки. Так он сказал, что ему это не интересно, и что он торопится на ловлю сусликов со своим учителем, этим пьяницей-монахом. Нет, ну нам-то тогда это было на руку. Но всё же! Иметь вот такое существо на троне Силла... – Старик покачал головой.

– И что же тогда делать?

– Не знаю. Может, ещё всё обойдётся? Может быть, королева не умрёт. А мы пока что-нибудь придумаем.

Глава 3

Сколько нужно времени, чтобы привести в ветхое состояние какое-либо строение? Если этим строением не пользоваться, то оказывается, что это происходит довольно быстро. Прошло всего четыре года с того времени, как Совет дворянства принял решение о закрытии «Цветочного дворца» – резиденции, жившей в нём когда-то принцессы Чхонмён, первой в истории Силла Хранительницы хваранов. И за четыре года, некогда утопавший в цветах, маленький, но очень значимый дворец превратился в заросшие травой и вьющейся зеленью руины.

Правивший некогда король Чинпхён, будучи внуком Великого Чинхына, страстно желал восстановить величие королевской семьи, созданное его дедом, и умерить необузданные амбиции дворянства. Однако, связанный по рукам всевозможными хитроумными положениями и правилами, он был не в состоянии осуществить задуманное.

Его дочь, принцесса Чхонмён, заняв пост Хранительницы хваранов, решила посвятить свою жизнь делу отца и королевской семьи. Отважная и благородная, умная и сильная духом, она сплотила вокруг себя небольшую часть верных хваранов и начала борьбу с неоправдан-

---

⁵ Сандэдын – председатель Совета дворян (премьер-министр) в Силла. (корейский)

ными привилегиями дворянства. Политические ресурсы дворян на тот момент значительно превышали возможности королевского двора. И в этой неравной борьбе принцесса Чхонмён погибла.

Её гибель позволила дворянству обрести утраченный душевный покой. Но, правда, ненадолго. Родная сестра Чхонмён, принцесса Токман, заняла её место как в структуре хваранов, так и на политической арене Силла. Вокруг новой Хранительницы сплотились бывшие соратники погибшей принцессы. К ним добавились хвараны, до сих пор остававшиеся в стороне, но для кого смерть принцессы Чхонмён отнюдь не казалась таинственным несчастным случаем, как было объявлено официально. Обе стороны уже открыто обозначили свои позиции, и борьба началась.

К несчастью для дворян, новая Хранительница хваранов оказалась неожиданно более сильным противником, чем её предшественница. Дело в том, что волею судьбы принцесса Токман воспитывалась в более жёстких условиях, вдали от королевского двора. Поэтому, обладая необходимыми качествами, такими же, что и её погибшая сестра, Токман могла рассчитывать не только на свой твёрдый характер, но и на практический опыт ведения реальной борьбы.

Прошло некоторое время, и дворянство потеряло часть своих привилегий, лишившись при этом и многих своих лидеров. Принцесса Токман, напротив, весьма преуспела в своей борьбе и, развив свой успех, создала прецедент – заняв трон, стала первой правящей королевой Силла.

Годы правления королевы Сондок, как теперь называли принцессу Токман, стали временем процветания и прогресса государства. Она реформировала систему земледелия, внедрив новые методы обработки земли и ведения хозяйства; изменила налоги в пользу бедных слоёв населения, искоренила дискриминацию народа Кая, влившегося в состав Силла со всеми своими территориями. Молодая королева просто публично сожгла все списки каясцев, в результате чего все они стали равноправными гражданами страны. А ещё по её инициативе была построена первая на Корейском полуострове научная обсерватория. Её целью была популяризация среди населения более реалистичного понимания природных явлений в противовес религиозным заблуждениям.

Вскоре королева Сондок умерла. Умерла от болезни, в результате подорванного в детстве здоровья и высокой нагрузки на организм в процессе борьбы за власть и процветание своей страны.

Правление третьей, уже двоюродной сестры, названной королевой Чиндок, протекало более стабильно и ровно. Она успешно поддерживала созданный предшественницей порядок, в то же время, не обостряя отношений с дворянством.

Постепенно дворянство стало поднимать голову и шаг за шагом отвоёвывать утраченное. В воздухе вновь заискрилось общественное напряжение. И в разговорах всё чаще стало появляться упоминание «Цветочного дворца» принцессы Чхонмён, как символа борьбы с несправедливостью. Тогда-то Совет дворян, руководствуясь «экономическими соображениями во благо государства», и принял решение о прекращении выделения средств на содержание «Цветочного дворца» и полном его закрытии.

Маленький, заросший травой, полуразвалившийся дворец располагался в дальнем углу дворцового комплекса. Он стоял на небольшой возвышенности, что не позволяло общей стене скрыть его целиком от глаз, проходящих за ней, людей. Иногда какой-нибудь прохожий останавливался, смотрел на развалины и, неодобрительно покачав головой, шёл дальше.

Напротив развалин, через дорогу от дворцовой стены, раскинулся небольшой торговый рынок. Два ближних к краю, прилавка немного отличались от остальных, привлекая покупателей яркими цветами своих товаров. На одном из них были разложены всевозможные украшения: нефритовые браслеты, кольца; золотые, искусно инкрустированные драгоценными кам-

нями: броши, шпильки, подвески... Второй прилавок не уступал первому в разнообразии и красоте товара. Только это были сладости. Яркие и разноцветные, в форме всевозможных цветов и деталей изысканного орнамента.

Роскошь и соответственно немалая цена всех этих товаров обуславливалась близостью этого рынка к дворцу. И, учитывая данное обстоятельство, можно было бы предположить, что дела у этих торговцев шли довольно успешно. Однако, взглянув на лица двоих мужчин, сидевших за прилавками, вряд ли можно было назвать их счастливыми, поймавшими свою удачу.

– Как вы полагаете, уважаемый? Который сейчас час? – Торговец сладостями, как более молодой, слегка наклонил голову.

– Полагаю... – Старший торговец, прищурив один глаз, посмотрел на солнце. – Заканчивается час Обезьяны⁶.

– Ну да. Ну да... – Младший, как-то обречённо, покивал головой. – Вероятно, вы правы. – Он медленно опустился на маленький стульчик и, смиренно положив руки на колени, грустно опустил голову.

Некоторое время они сидели молча. Затем, младший торговец поднял голову, устремив затуманенный взгляд куда-то вдаль.

– А помните, уважаемый! Раньше, приблизительно в это время, открывалась вон та маленькая дверь в стене, и оттуда выбегали служанки «Цветочного дворца». Такие молоденькие и весёлые! Они всегда так щебетали и смеялись, что у меня сразу поднималось настроение. А с какими глазами они набрасывались на мои сладости и печенье! Кстати, некоторые из них были такие пухленькие, что я бы не рекомендовал им так увлекаться сладостями, но разве ж я мог им отказать! Эх, какое было время! – От избытка чувств торговец взял со своего прилавка маленькое печенье в виде цветка и, засунув в рот, стал блаженно его жевать.

– Вы что-то путаете! – Старший прокашлялся и принял более значимую позу. – Вовсе они не к вам приходили. Они приходили за моими украшениями. А ваши сладости они покупали просто... ну, так... заодно. Если оставались деньги.

– Ну, это вы зря, уважаемый! – Младший торговец встал. – Мои сладости здесь все знают! Один раз даже Главная придворная «Цветочного дворца» приходила. Она покупала у меня печенье для самой принцессы Чхонмён! А ваши украшения... Они, конечно, хорошего качества. Но такие дорогие, что я даже не зна...

– Да вы хоть представляете, откуда их привозят! Их поставляют мне напрямую из Тан! А это знаете, какие... – Разволновавшись, старший торговец слегка покачнулся и схватился за сердце.

– Что с вами! – Младший торговец вскочил с места и, подхватив старика под руки, аккуратно усадил на стул.

Старик, благодарно кивая, отхлебнул воды из протянутой ему чашки и вздохнул.

– Послушайте! О чём мы с вами спорим! Всё это в прошлом.

– Согласен с вами, уважаемый! – Младший торговец примирительно кивнул и посмотрел в сторону развалин. – Эх, какой был дворец! Если бы этот молодой... А, кстати, уважаемый! Вы когда-нибудь видели этого... ну, молодого принца?

– Сына принцессы Чхонмён? Да он же постоянно пьянствует в таверне, за рынком, с этим горе-монахом. – Старик сплюнул.

– Да-а! Его мать была такой уважаемой женщиной!

– Это всё заграничное воспитание. Принцесса беспокоилась о его безопасности и отправила в Тан. Думала, так будет лучше. А чего же хорошего может быть там, где у всех на уме только роскошь, вино, азартные игры... – Старик опять сплюнул. – Да-а... Испортили они нам принца! А ведь многие его так ждали! Думали, вернётся сын, отомстит за мать... Эх...

---

⁶ Час Обезьяны – приблизительно с 15.00 до 17.00.

Глава 4

Создавая человека, природа помимо какого-то логичного понимания окружающего мира наделила его неким странным, на первый взгляд, свойством. Когда одни и те же явления воспринимаются им с прямо-противоположной оценкой. И дело в том, что этот самый окружающий мир вовсе не меняется, как не меняются и явления, вдруг преобразившие своё значение с минуса на плюс и наоборот. Это преобразование не имеет ничего общего с физической реальностью, а происходит только в сознании самого человека.

Таким образом, он способен изменять мир в самых невообразимых направлениях. Но, только... в своём собственном представлении. И, как правило, сам он даже не подозревает, что эти колоссальные метаморфозы вселенной зависят от таких ничтожных физических проявлений, как... настроение. Или же от, казалось бы, не менее ничтожного факта – выпался человек сегодня или нет.

Минсок сегодня выпался. Вчера тоже. И вообще, быть избитым на соревнованиях, как оказалось, вовсе не так уж и плохо. Три дня, пока он поправлялся, его никто не беспокоил. Только приносили еду. Три дня отдыха и полноценного сна! Но даже не это изменило: Минсока, его настроение, восприятие и оценку окружающего мира.

Последняя тяжёлая схватка на ристалище, вытянувшая весь физический и моральный потенциал подростка. Стресс, травма, боль, лихорадка выздоровления... Всё это встряхнуло его организм, прорвав застоявшийся затор в душе и в сознании. И теперь, отдохнувший и очищенный, Минсок чувствовал, что что-то произошло. Более того, он был уверен, что там, в лихорадочном бреде, он опять слышал свою музыку.

Она несколько отличалась от той, что владела его душой прежде. Это было что-то новое и незнакомое и, в то же время, такое близкое и понятное.

Все эти ощущения и догадки толкали подростка к действиям. Ему не терпелось проверить, попробовать, убедиться...

Он легко поднялся с постели и быстрым шагом вышел из казармы. На площадке перед казармой отряд «Летучих магов» отрабатывал индивидуальные упражнения. Стоял грохот ударов деревянных мечей о тренировочные столбы.

Словно в предчувствии чуда, Минсок твёрдым шагом подошёл к стойке с деревянными мечами. Осторожно, двумя руками, будто боясь вспугнуть, он снял со стойки свободный меч. Затем, развернувшись, поднял его над головой и...

Да! Это было так – она проснулась. Эта новая музыка внутри Минсока. С волнующим ритмом барабанов. С искрящейся партией флейты. Мгновенно заставившая подростка подтянуть живот и сконцентрировать взгляд, она сделала его движения резкими, точными и, придав всему действию особый смысл, наполнила душу поэзией. Поэзией... боя.

Минсок уверенно двигался, разрубая воздух деревянным мечом: сверху, сбоку, по кругу, в прыжке... При этом он ни разу не пошатнулся и не оступился. Это новое звучание, прорывавшееся изнутри, управляло теперь всем его телом, делая движения быстрыми и точными. Глаза подростка горели. Он улыбался. Ему снова нравилась жизнь...

И жизнь эта перестала быть тягостной. Как перестали быть тягостными тренировки и марш-броски по горам.

Теперь во время бега Минсок заметил, как мелодия в его голове меняется с изменением ландшафта по пути следования. Он уже знал, что если проложить маршрут по тем большим валунам, где придётся прыгать вверх и вниз, то в этом месте всё вокруг начинает искриться каскадом эмоциональных звуковых комбинаций. Минсоку это нравилось, и теперь он осознанно выбирал этот путь по более гористой местности, чтобы снова испытать эти будоражающие фантазию ощущения.

Конечно, тот кризис в душе юноши, что теперь был уже позади, мог привести и к совершенно другим последствиям. Он мог придавить его, уничтожив волю. И это могло стать непорочным. А ещё Минск мог бы преодолеть эту напасть физически-волевым способом, заплатив при этом, частью своей души. Но и это было бы не самым печальным исходом.

Можно представить человека, стоящего изначально на условно правильном пути. В процессе движения по нему, человек подвергается противостоящему давлению. В основном это – лень и страх. Чтобы уменьшить это давление, он начинает слегка изменять направление движения. С течением времени, это происходит всё чаще. И вот однажды он вдруг замечает, что солнце, висевшее всё время где-то над левым ухом, теперь находится справа. Это значит, что он идёт уже в обратную сторону. И чтобы снова встать на выбранный изначально путь, ему придётся развернуться.

Сделать это не просто, и человек решает эту проблему другим способом. Он начинает переклеивать указатели и ярлычки с правой стороны на левую. И, возможно, у него это неплохо получается. Однако тут появляется некая неприятность, с которой он ничего не может поделать – солнце никак не хочет перетаскиваться на нужную сторону.

Казалось, такого человека можно было бы пожалеть, определив его, просто, заблудившимся. Но дело в том, что подобные люди, как правило, собрав накопленные годами отговорки, создают из них целую теоретическую базу, перерастающую в идеологию. И чтобы оправдать её, им приходится «делать» неправыми тех, кто, осознав ошибку, всё же вернулся на свой путь, и тех, кто вовсе с него не сходил.

Вот такой способ выхода из душевного кризиса, пожалуй, был бы самым губительным. Неизвестно, что уберегло Минска от такой незавидной перспективы. То ли это была удача, то ли – интуиция... Но вышло так, что причина, а именно – музыка, породившая кризис в душе подростка, сама же и стала лекарством, избавившим его от недуга.

Глава 5

Жизнерадостное пение птиц, и успокаивающее журчание воды. Что может быть прекраснее! И что может быть лучше для достижения ощущения гармонии! А ещё, цветы и деревья среди скальных фрагментов, установленных с тонким вкусом любителя созерцательных наслаждений. Маленький ручеёк, стекавший по камням, падал в небольшой пруд, привлекая пузырьками двух больших карпов.

Всё это сейчас называется китайским садом. И уже тогда, во времена своего зарождения, подобный способ ландшафтного оформления был так же востребован в богатых домах Сораболя – столицы царства Силла.

У самого края пруда, в роскошном кресле, модного в те дни, танского происхождения сидел пожилой мужчина с выражением мудрой усталости на лице. Время от времени он брал из серебряной чаши горсть ячменных зёрен и бросал в пруд. Задумавшись, он не заметил, как сбоку к нему подошёл человек форме высокопоставленного военного.

– Сандэдын, вы хотели меня видеть? – Военный поклонился.

– А, военный министр! – Старик поднял голову. – Присаживайтесь, прошу вас!

– Благодарю вас! – Военный министр сел в соседнее кресло.

Некоторое время старик продолжал молча смотреть на рыб в пруду.

– Сандэдын, вас что-то беспокоит?

– Хотелось бы ответить отрицательно. – Старик вздохнул. – Но вынужден признать...

Есть один вопрос, над которым я сейчас ломаю голову.

– В чём же этот вопрос? – Военный министр внимательно посмотрел на старика.

– Да, вот. – Старик застывшим взглядом продолжал смотреть на воду. – Пытаюсь решить, какую из этих двух рыб съесть сегодня на обед, а какую оставить для размножения.

Военный министр с интересом перевёл взгляд на воду и через пару мгновений приподнял одну бровь.

– Ну... Если вы хотите услышать моё мнение?... Золотая кажется несколько бестолковой. Посмотрите, как она хаотично рыскает в поисках еды. А серая... Серая не делает лишних движений. По-моему, она уже достаточно изучила Вас и знает, в какое место Вы в следующий раз бросите корм. Вот! Видите? Она опять оказалась там, где надо. Так что... я бы съел золотую, а серую оставил. Серая рыба – умная.

На лице старика появилась лёгкая усмешка.

– А зачем нам умная... рыба? – Старик проницательно посмотрел в глаза собеседника. – Ума у нас и у самих достаточно.

Взгляд военного министра сначала застыл в недоумении. Но, спустя мгновение, его губы сложились в лукавую улыбку, и он понимающе кивнул головой.

– Да, уважаемый сандэдын! Вы совершенно правы. К тому же серая рыба гораздо сильнее золотой. И с ней у нас могут возникнуть проблемы.

– Я рад, что вы всё поняли. – Старик удовлетворённо кивнул.

– Да, я всё понял. И я, как всегда, преклоняюсь перед вашей мудростью, сандэдын! Только вот, мне кажется, у золотой рыбы слабое здоровье. Ведь потреблять столько спир... эээ... жидкости... Боюсь, как бы эта рыба не отошла к предкам в скором времени.

– Ничего! Мы успеем вырастить новую рыбу. – Старик с улыбкой обернулся к стоявшей за его спиной служанке. – Выловите вон того серого карпа и отнесите повару.

Выполнив приказ господина, молодая служанка вышла за ворота усадьбы и быстро направилась в сторону рынка. Она нашла нужную лавку и вошла в неё. Рассматривая товар, девушка незаметно дотронулась до руки торговца и чуть слышно прошептала:

– Передайте во дворец – принцесса в опасности!

Часть 3 Пэкче

Глава 1

Плавная тонкая линия бежала за кисточкой, превращаясь в замысловатый узор орнамента. Она уходила то вверх, то вниз. Затем возвращалась, переплетаясь и оставляя маленькие завитушки. Казалось, она могла бежать бесконечно, увлечённая своей фантазией. Но вот, она замедлила свой бег и плавно остановилась. Соён оторвала кисточку от керамической поверхности и положила на плоский камень рядом с собой.

Орнамент наносился на ещё влажную поверхность сосуда. Нужно было успеть это сделать, пока не высохла глина, и руки девочки работали быстро и точно.

Она уже не помнила, когда научилась этому. Раньше девочка просто рисовала что-то угольками на глиняных черепках. Благо и того, и другого всегда хватало. Она работала служанкой в гончарной мастерской. Её обязанностью было выгребать золу с углём из печи и собирать осколки разбитых горшков. Осколков всегда было много. Мастер очень строго подходил к своей работе. После обжига он тщательно осматривал каждый сосуд и, если ему что-то не нравилось, безжалостно разбивал его о стену печи.

Некоторые из забракованных сосудов были очень красивыми и с виду вполне нормальными. Соён всегда было их жалко. И однажды она припрятала один из них. Взяв уголёк, девочка разукрасила его витиеватым орнаментом. Увидев это, мастер очень рассердился. Он сказал, что ни одно испорченное изделие не должно выйти из его мастерской. Отобрав у Соён злосчастный горшок, он уже размахнулся, собираясь разбить, но вдруг остановился.

– Это ты его так разрисовала?

Девочка неуверенно кивнула.

Мастер внимательно осмотрел сосуд со всех сторон и как-то аккуратно поставил его к стене. Немного подумав, он повернулся к девочке.

– А ну-ка, пойдём со мной!

Он привёл её в мастерскую и, порывшись где-то на верхних полках, достал небольшую коробку. Смахнув рукой пыль, он протянул коробку девочке.

– Это когда-то принадлежало моей жене. Попробуешь?

Соён открыла коробку. В ней лежали кисточки и уже засохшие, краски.

– Краски мы купим новые. – Мастер посмотрел ей в глаза. – Попробуй!

Девочка с улыбкой кивнула и поклонилась.

С тех пор к её прежним обязанностям добавилась ещё одна – она стала художницей этой гончарной мастерской. А также, Соён должна была ходить за глиной и за хворостом для печи. К этим материалам предъявлялись непростые требования, и в их поисках она исходила все окрестные леса и горы.

Со стороны могло показаться, что все эти обязанности были слишком тяжёлыми для тринадцатилетней девочки. Но они ей нравились. Когда она вычищала печь от золы и глиняных осколков, то, как будто наводила порядок в своей душе, аккуратно расставляя по местам всё, что там находится. А во время рисования своих узоров её реальная сущность словно засыпала, выпуская наружу другую. Ту, что пряталась где-то очень глубоко и, выйдя на свет, вела руку с кисточкой по независимой от девочки воле.

Ну и наконец, лес и горы. Там она чувствовала себя свободной. Такой же свободной, как в своих снах. Где не было людских взглядов и слов, а сама она была: то сосной с качающимися на ветру ветвями; то ручейком, бегущим по камням; то птицей, кружащей в небе...

А ещё там, в горах, Соён всегда казалось, что за ней кто-то наблюдает. Это был не взгляд человека, а что-то другое... Она вспомнила рассказы мастера о тигре, который прежде чем напасть, долго ходит за человеком и смотрит, чтобы понять – хороший этот человек или плохой. Но девочка ходила по этим лесам уже много раз, и никакого нападения не было. Как не было и ощущения опасности и страха. Хотя... Она ведь была здесь своей. Частью этого мира без людей.

Придя к такому выводу, Соён успокоилась.

Глава 2

– Вы знаете, когда я смотрю на её орнамент, – пожилой худощавый мужчина с длинными седыми волосами, перехваченными на лбу серой повязкой, в задумчивости положил на стол палочки для еды, – мне кажется, что его рисовал не человек, а демон. Человек не может такое нарисовать.

– Давайте, я положу вам ещё! – Женщина протянула руку и взяла со стола пустую чашку. Накладывая из котелка, она грустно улыбнулась. – Это всё потому... что она немая. Потому, что она не разговаривает. – Женщина вытерла руки о фартук и присела на край скамьи. – Наверное, она хотела бы многое сказать, но не может. И поэтому, всё, что у неё накоплено внутри, выходит в этих рисунках.

– Дааа... – Мужчина, соглашаясь, кивал головой. – Бедная девочка! Ведь мы даже не знаем, что ей пришлось пережить!

– Вы правы, мастер! Видимо поэтому она и не говорит. Вряд ли она такой родилась. Ведь она же слышит. – Женщина вытерла платком уголки глаз. – Когда я нашла её там, на дороге, она была такая маленькая! Думала, не выживет. Такая пустота была в её глазах!

– Я помню... Я помню, как вы её принесли... – Мужчина, задумчиво жуя, смотрел куда-то вдаль. – Сколько людей пострадало тогда! Сколько смертей! Хорошо, что мы далеко от столицы. И этот безумный король Ыйджа до нас тогда просто не добрался!

– Да. Это уберегло нас. Но столько людей погибло, чтобы насытить этого демона!

Несмотря на утреннее солнце, накрапывал мелкий дождь. Соён сидела под большим навесом и расписывала очередную чашу. Кисточка, как всегда, быстро и плавно выводила узор, но вдруг остановилась. Соён закрыла глаза и через несколько мгновений открыла их вновь. Кисточка побежала дальше.

В первый раз, когда вот так же, как сейчас, она потеряла узор в своём сознании, девочка растерялась. Что-то подсказало ей, что нужно закрыть глаза. Она закрыла. Узор снова появился. С тех пор Соён всегда пользовалась этим способом. И применяла она его не только в работе над орнаментом. Однажды в лесу ей надо было перейти небольшую речку. Был солнечный день, и блики на воде мешали разглядеть место, где проходил брод. Тогда Соён опять закрыла глаза и увидела то, что ей было нужно.

«Наверное, – подумала девочка, – когда закрываешь глаза, то всё, что тебя отвлекало до этого, исчезает и перестаёт мешать. Это же очень здорово! И вообще надо чаще прислушиваться к себе. Там, внутри, наверное, есть ещё много всяких подсказок». – Соён улыбнулась. Она была очень рада своему открытию.

– Соёна! – Мягкий женский голос вывел девочку из раздумий. – Может, пойдёшь, покушаешь? – Женщина погладила девочку по голове. – Мы с мастером уже пообедали. А ты всё работаешь.

Соён покачала из стороны в сторону ладонью.

– А когда закончишь, пойдёшь?

Девочка кивнула.

– Ну, ладно. Хорошо. – Женщина села на скамью и стала поправлять сбившуюся косынку. – К вечеру дождь разойдётся. Спать будет хорошо.

Женщина посмотрела на серое небо. Потом, перевела взгляд на девочку.

– Соёна! А ты хорошо спала сегодня? Что-то ты всё время ворочалась.

Девочка приложила ладонь к своей груди, потом – к голове, потом, двумя руками описала окружность над головой.

– Ты видела сон? – Женщина оживилась. – И что? Что там было?

Девочка стала объяснять жестами.

– Разговор? А, нет! Разговаривала! Ты разговаривала? Не ты? А кто? А, слышала голос! Понятно! А чей? Кто это был? Мужчина? Нет? А, женский голос! Понятно! – Женщина грустно улыбнулась. – Может, это была твоя мама?

Девочка, отрицательно качая головой, указала рукой на женщину, потом – на себя. Губы женщины слегка задрожали, в глазах появились слёзы.

– Нет, девочка! Я не твоя мама. – Женщина встала со скамьи и подошла к Соён. – Я бы хотела стать твоей мамой, но... Мы не знаем, где она сейчас. Но она же есть. Как я могу тебя у неё отнять?

Девочка нахмурилась. Женщина села рядом и обняла её. Затем, она взяла из рук Соён кисточку и, положив её на стол, опустила голову девочки к себе на плечо.

– Ладно-ладно! – Женщина улыбнулась. – Пусть у тебя будет две мамы.

Обнимая Соён и тихонько раскачиваясь, женщина запела старую песню о рыбке, которая потерялась в море и не могла найти свой дом.

Этот сон снился Соён уже не в первый раз. Вернее, он был не совсем один и тот же. Обстановка была всегда разная: то это был лес, то мастерская, то комната в их доме... Но голос был всегда один. Иногда – сверху, иногда – сбоку... Девочка никак не успевала рассмотреть того, кто говорил. А этот спокойный женский голос всегда разговаривал с ней: что-то рассказывал, что-то объяснял, а иногда и ругал...

«Неужели это и правда, – моя мама?» – думала девочка, слушая песню о потерявшейся рыбке.

Глава 3

Руки с крепкими и сильными ладонями. Волевой подбородок. Полный мудрости и грусти взгляд, устремлённый вдаль. На лице – немного усталое, но твёрдое выражение ответственности и бремени отца народа. Облик, вызывающий, если не священный трепет, то, по крайней мере, глубокое уважение.

Но вдруг! Правая рука лихорадочно задёргалась. Мизинец боязливо подвернулся внутрь. Уголки губ опустились вниз, придав лицу слегка капризное выражение... И вот, человек предстал в своём реальном обличье.

Ыйджа, тридцать первый король Пэкче. Когда-то в молодости ещё, будучи принцем, он действительно был умным, сильным и справедливым человеком. Со своим другом, будущим прославленным генералом Кебэком, они мечтали изменить страну, избавив её от коррупции, стяжательства и прочих явлений, мешавших Пэкче идти по пути прогресса и процветания.

Прошли годы. Ставший генералом, Кебэк не изменил своим принципам и оставался честным и справедливым командиром, за что и снискал уважение подчинённых и народа.

А принц Ыйджа, взойдя на престол, неожиданно для себя осознал, что его настоящей целью было то, что он теперь уже получил. Корона и власть. И страх за это своё новое приобретение, за свой авторитет правителя сделал его подозрительным, жадным и жестоким, тол-

кая на противоречивые и сумбурные решения. До него доходили слухи о том, что его считают безумцем, и это придавало ему ещё больше ярости ко всему миру.

Эта ненависть не могла долго копиться, и однажды он решил наконец-то провести большую «чистку». Он знал, что Кебэк не поддержит эту акцию, и потому отправил его на силаскую границу, дабы отвоевать у соседнего государства пару крепостей на спорной территории. А сам, собрав королевскую гвардию, устроил небывалую резню в своей древней столице – Виресоне.

Кебэк, будучи честным солдатом, не подозревал об истинных мотивах короля. Взявшись за дело и исполняя королевский приказ, он успешно провёл военную кампанию, захватив не две крепости, а... сорок. Но, получив известия о происходящем в столице, генерал срочно вернулся в Виресон.

Ему удалось остановить это безумие, уговорив короля одуматься. Но очень многое было уже сделано. Были вырезаны почти все оппозиционные кланы. Те, что остались – отправлены в ссылку, заточены в тюрьмах... Был разгромлен и сожжён Храм провидиц, касты мудрых женщин, веками участвовавших наряду с королём и правительством в управлении страной и народом. Сами провидицы были почти все перебиты, и только вмешательство генерала Кебэка, остановившего солдат короля, позволило небольшой группе, оставшихся в живых, провидиц скрыться.

Король Ыйджа был недоволен подобным поведением Кебэка. Тем более что в народе стали появляться рассказы о том, как генерал всех спас от злого и безумного короля. И, поддавшись на провокационные уговоры свиты, Ыйджа отправил своего старого друга в ссылку.

Прошло несколько лет, и все военные успехи Пэкче стали очень быстро сходиться на нет. Отозванный с когурёской границы талантливый силлаский генерал Ким Юсин начал, одну за другой отвоевывать захваченные Пэкче крепости. Он успешно продвигался в сторону бывшей пэкческой границы, и в Виресоне забеспокоились. Тщетно потеряв немало времени в поисках выхода из сложившейся ситуации, напуганная королевская свита всё же посоветовала правителю вернуть на службу генерала Кебэка.

Король Ыйджа сидел на высоком помосте большой беседки над озером с лотосами. Плавная рябь водной глади рождала иллюзию нерушимой гармонии окружающего мира.

– Ну, что, брат! Вижу, отвык от столицы! Выглядишь, как деревенский мужик!

– Да я никогда и не переставал им быть. – Высокий крепкий мужчина в простой, но опрятной одежде слегка улыбнулся, не поднимая глаз.

– Ты ведь не обижаешься на меня?

– Нет, государь! – Кебэк поднял открытый взгляд в глаза короля.

– Верю-верю! Знаю, ты не умеешь, – король с улыбкой вздохнул, – ни врать, ни обижаться.

– Да. Я не обижаюсь. Но это вовсе не значит, что я...

– Так, Кебэк! Прекрати! – Король ударил ладонью по столу. – Ты опять начинаешь! Да, что за человек такой! Точно, как в тот раз! Прискакал, тут, весь такой взмыленный! Наговорил такого!!! Да ещё и при этих ублюдках – моих министрах! Что мне оставалось тогда делать! Хорошо, не казнил тебя!

– Государь! Вы можете меня хоть казнить, хоть отправить обратно. Но, как тогда, так и сейчас я говорю вам – вы были не правы! Столько людей! Целые кланы! Возможно, у них были другие взгляды. Но они не были врагами. Они также переживали за нашу страну. С ними можно было спорить. А в чём-то, наоборот, прислушаться. Но не убивать же! А провидицы! Что такого сделали эти женщины?

– Они меня не слушались. Почти, как ты.

– А почему они должны были вас слушать? Они собирали и хранили знания о нашей стране, народе, традициях ещё с тех времён, когда ни нас, ни наших отцов и дедов не было на свете. Это мы должны ходить к ним советоваться. К тому же, они действительно могут видеть будущее.

– А! – Ыйджа пренебрежительно махнул рукой. – Сильных среди них было только пятеро. Как их там называли? Лепестки? Первый, Второй, Третий... – Король усмехнулся. – А остальные – так себе. – Он виновато приподнял одну бровь. – Но. С этими провидицами – признаю. Чуть-чуть перегнул я. Но ты не переживай! Выжили они. Ну, те, которых ты успел спасти. Прячутся где-то. Даже, мне доложили, снова набирают учениц. Так что, не беспокойся, Кебэк! Восстаноятся ещё твои провидицы. – Король кашлянул. – Если мои идиоты до них не доберутся. – Ыйджа поднял перед собой ладони. – Я их больше не преследую. Но разве ж им объяснишь!

Ыйджа сидел, уставившись в одну точку грустным взглядом.

– Слушай, Кебэк! Почему так происходит? Когда был принцем, ты меня ругал. Стал королём – опять ругаешь. Эх...

Кебэк поднял голову, но тут же, улыбнувшись, опустил взгляд.

– Да не ругаю я. Я просто беспокоюсь. Вот наделаете опять ошибок...

– Правда, беспокоишься? Обо мне? – Ыйджа оживился и повеселел. – А помнишь, брат? Как рабов освобождали в силласком лагере? Тот длинный охранник хотел тревогу поднять, а я его из лука – хацц!

– Как! – Кебэк удивлённо приподнял бровь. – Это же я его застрелил! Ваша стрела тогда мимо пролетела!

– Да нет же! Это я! Ты просто не разглядел, темно было! – Ыйджа лукаво улыбнулся.

Кебэк подозрительно прищурился, но тут до него дошло, и он расхохотался. Ыйджа тоже засмеялся и хлопнул Кебэка по плечу.

– Кебэк, давай выпьем!

– Хорошо!

Уже стемнело. Но над озером ещё долго раздавался смех двух старых друзей.

Глава 4

Уже несколько дней Соён чувствовала, что вокруг что-то происходит. Сначала, проходя мимо колодца, она видела, как женщины что-то обсуждают. Причём, обсуждали они что-то очень серьёзное. Женщины совсем не смеялись. Оставив пустые вёдра, они собрались в круг и о чём-то тихо разговаривали.

Потом, возвращаясь из леса, девочка встретила на опушке молодую женщину в белом, по столичному скроенном, платье. Она была красивая, с тонкими чертами лица и с каким-то твёрдым и, в то же время добрым взглядом. Соён почувствовала на себе этот взгляд. И её голову как будто что-то легонько сдавило. Она шла с этим ощущением, пока оно не пропало. Девочка оглянулась, но молодая женщина уже исчезла.

А сегодня, из окна мастерской, Соён видела, как мама, а она называла её теперь именно так, с кем-то разговаривает у ворот. Из-под длинной серой накидки девочка увидела край знакомого белого платья. Словно почувствовав взгляд Соён, незнакомка обернулась.

«Это же она! – Девочка неосознанно прикрыла рот ладошкой. – Интересно, откуда мама её знает?»

Теперь, лёжа в своей постели, Соён пыталась собрать вместе все эти загадочные факты и прийти хоть к какому-нибудь выводу. У неё ничего не получалось, но она была очень заинтригована. И ничего опасного во всём этом она не ощущала.

Так, ни к чему и, не придя, с предчувствием чего-то большого и значимого, девочка заснула.

– Извините, мастер! Мне нужно с вами поговорить. – Женщина стояла посреди мастерской, сминая в руках платок.

– А, Кэру! Да. Я скоро закончу. – Мастер выводил на гончарном круге сосуд с длинным тонким горлышком.

– Это касается нашей Соён. Я... не знаю, как поступить.

– Соён? – Мастер остановил круг и, вытирая руки тряпкой, озабоченно посмотрел на женщину.

– Эта женщина говорит... Ну, в общем...

– Какая женщина? Что говорит?

– Ох! Я, наверное, должна рассказать вам всё с самого начала. – Женщина махнула рукой и присела на край скамейки.

Мастер, заинтересованно глядя на женщину, положил руки на колени.

– Помните тот год? – Женщина вздохнула. – Когда люди короля сожгли Храм провидиц? Поглаживая подбородок, мужчина задумался.

– Так вот, тогда там погибло много женщин-ясновидящих. Среди них было пятеро самых сильных. Их называли Лепестками. Оставшиеся в живых провидицы скрылись и обосновались на горе Хосан⁷.

– Погоди-ка! Гора Хосан – это же недалеко от нас.

Женщина кивнула.

– Так, так! Ну и что же?

– Так вот! С недавних пор ходят слухи, что провидицы снова набирают учениц. И что одна из тех, самых сильных, уцелела. Её называют – Последний Лепесток. – Женщина, немного помолчав, продолжила. – Сегодня приходила молодая женщина. Благородная. Не из наших. И я... Я думаю, это была она – Последний Лепесток.

– Да? Вы дум... А, кстати, откуда вы всё это знаете, уважаемая Кэру?

Женщина отвернула лицо в сторону. Затем, улыбнулась и, повернув голову обратно, пристально посмотрела в глаза мастера.

– Все женщины у нас об этом знают. – Кэру с улыбкой вздохнула. – У вас, у мужчин, другие заботы, другие интересы... А это – наши, женские, дела и обязанности. Мы, конечно, не провидицы из Храма. Но, мы также несём вместе с ними нашу общую ответственность перед... Жизнью.

Мастер с интересом смотрел в лицо женщины, как будто в первый раз его увидел.

– Дааа! – Мастер покачал головой. – Не думал я... Даже представить...

– Мастер, извините меня, что заставила вас всё это слушать. Но, дело касается Соён...

– А, ну да! Так что же там с Соён?

Женщина прикусила нижнюю губу.

– Ну, в общем, эта провидица, что приходила, просит нас отпустить с ней нашу Соён.

– Нашу Соён? Зачем это?

– Ей нужна проводница, чтобы добраться до их убежища на горе Хосан.

– И всё? Только, как проводница? – Мастер задумался. – А вы не думаете, что она хочет...

– Да. Я тоже об этом подумала. Тем более что провидица обмолвилась, что наблюдала за девочкой. Так что возможно, что...

– Ну, как проводница она, я думаю, вполне бы подошла. – Мастер задумался. – Она действительно хорошо знает все эти горы. И подозрений это никаких не вызовет. Наверное,

---

⁷ Хо – тигр, сан – гора (корейский)

вся округа знает, что она туда часто ходит. А вот если здесь ещё и то, о чём мы с вами подумали, то... Я даже не знаю. Ведь если она хочет, чтобы Соён стала одной из них, то вся жизнь девочки...

– Да. – Женщина грустно улыбнулась. – Я тоже весь день об этом думаю.

– Мне кажется, ей здесь, у нас, – хорошо. Она всегда накормлена, ей нравится расписывать мои горшки, да и вас она любит, как родную мать...

– Я всё это понимаю. Но, а если это всё – не просто так? Как мы можем не дать сложиться узору Судьбы! Ещё эта её родинка...

– Родинка?

– Да. Напротив локтя, только изнутри. Маленькая, красная, в виде полумесяца.

В комнате повисла тишина. Оба застывшим взглядом молча смотрели перед собой.

– Хорошо, Кэру! – Мужчина вздохнул. – Давайте всё же ещё немного подумаем. А потом примем решение.

– Хорошо! Я с вами согласна.

Глава 5

Ночью разразилась гроза. Она налетела внезапно с сильным ветром, молниями и грохотом грома. Но потом она так же внезапно стихла. Дождь прекратился. И утро, вместе с солнцем и пением птиц, принесло ответы на вопросы людей.

Предчувствие Соён оправдалось, и она шагнула за порог своей прошлой жизни навстречу новому, немного пугающему, но завораживающе манящему миру. Всю ночь, под грохот грозы, они просидели с мамой в обнимку. Они и плакали, и смеялись, что-то вспоминали, говорили о будущем... А утром долго прощались. Кэру собрала ей в дорогу целый мешок припасов, а мастер положил в него коробку с красками и кистями.

Они шли уже полдня, перебираясь через небольшие речушки и огибая верхушки гор. Лес приветливо встречал новых гостей хвойным запахом и пением птиц. Иногда перед ними выскакивала какая-нибудь белка и подолгу смотрела, любопытно уставившись своими чёрными «бусинками». На изогнутых кедровых ветвях, постоянно что-то стрекоча на своём языке, прыгали и потешно дрались бурундуки.

Иногда, Соён останавливалась и закрывала глаза. Постояв несколько мгновений, они продолжали путь.

«Интересно, а она замечает, что я закрываю глаза?» – Соён украдкой улыбнулась.

«Да. Я раньше тоже так делала»

«Она что, меня слышит?» – Соён остановилась.

«Не пугайся, девочка! Всё хорошо!»

Голос провидицы в голове Соён звучал успокаивающе и как-то по-доброму. От этого на душе у девочки стало тепло и уже не так одиноко.

«А я думала...»

«Что ты одна такая?» – Молодая женщина улыбнулась.

«Да»

«Ничего! Скоро ты всё узнаешь». – Провидица вдруг остановилась и стала осматриваться. – «Соён, а ну-ка попробуй осмотреть путь, по которому мы пришли»

Девочка закрыла глаза, но тут же резко их открыла.

«Там!»

«Что?»

«Тигр!»

«Далеко?»

«Не очень».

«Что он делает?»

«Ничего. Просто стоит и смотрит в нашу сторону».

Провидица облегчённо вздохнула и улыбнулась.

«Это хозяин горы»

«Как это?»

«Он хозяин этой территории, где мы сейчас находимся. Это его дом, и он хочет, чтобы в его доме был порядок. Если вести себя аккуратно и показать, что мы гости, которые уважают хозяев, то он нас не тронет»

Молодая женщина посмотрела на мешок за спиной у Соён.

«И надо сделать подарок. Давай-ка посмотрим – что там есть подходящего?»

Девочка поняла и с оживлением стала стаскивать мешок со спины. Развязав, она немного в нём покопалась и достала что-то большое, завернутое в тряпицу.

«О! Варёная курица! Я думаю, это то, что надо». – Провидица взяла из рук Соён свёрток и, развернув, аккуратно разложила на большом плоском камне. Затем, она поклонилась подношению и, обернувшись, улыбнулась Соён.

«Кстати, я думаю, нам тоже не мешало бы подкрепиться. Соён, давай-ка перейдём вон тот ручей и перекусим. Я вижу, там, в мешке, что-то ещё осталось».

Они сидели у ручья, разложив на траве свои припасы: рисовые лепёшки; варёные яйца; маленькие кусочки тубу⁸, завернутые в листья периллы; маринованные овощи... Глядя на всё это, Соён улыбнулась слегка дрогнувшими губами.

«Мама!»

Провидица с грустной улыбкой посмотрела на Соён. Затем разорвала одну лепёшку пополам и вложила кусок в руку загрустившей девочки.

«Соён, ешь! Всё будет хорошо!»

«Правда?»

«Ты забыла? Я провидица!»

Утерев рукавом глаза, девочка улыбнулась и кивнула головой. Она начала есть, и настроение у неё почему-то сразу поднялось. Ей стало весело и она, схватив одно варёное яйцо и второе протянув провидице, предложила «сразиться». Кто проиграет – пойдёт к ручью за водой. Молодая женщина тоже развеселилась и с энтузиазмом приняла вызов. Они долго со смехом прицеливались, и наконец... Соён выиграла.

«Ай-ай-ай, Соён! Как нехорошо! Разве честно так держать яйцо?» – провидица, смеясь, качала головой.

«Это кто – нечестно? Я – нечестно? Да вы сами два раза руку отводили! Думали, я...»

«Стой! Тихо!» – Провидица встала и подняла взгляд вверх. – «Соён, быстро посмотри! Там!» – Она вытянула руку в сторону вершины горы.

Соён закрыла глаза.

«Там люди! С оружием! Королевские солдаты!»

«Они нас нашли! Сколько их?»

«Раз, два... Пять! Их пятеро! Да вон они! Их уже видно. Они... Они нас тоже заметили! Показывают руками!»

«Быстро! Уходим!»

Соён подобрала с травы мешок. Провидица быстро направилась вниз по ручью.

«Стойте! Не туда!» – Соён схватила молодую женщину за руку и потянула прямо через ручей, в сторону, откуда они пришли.

---

⁸ Тубу – соевый творог (тофу)

«Что ты задумала?»

«Быстрее! Нам по-другому от них не уйти! Они двигаются сверху – это очень быстро»

Приближаясь к тому месту, где они оставили подношение, провидица перешла на шаг.

«Соён, не беги! Иди спокойно!»

Держась за руки, они вышли к плоскому камню. Он был пуст. Стояла тишина. Не дрались бурундуки, птиц было слышно только где-то далеко. Дойдя до самого камня, они увидели... его.

Он лежал на траве, держа прямо огромную голову и положив передние лапы перед собой.

«Не смотри ему в глаза!»

Он тоже не смотрел на них, а повернул голову чуть в сторону, словно не видя перед собой кого-то достойного его внимания. Он лишь с некоторым лёгким интересом потягивал носом воздух и изредка плавно взмахивал хвостом.

Они медленно ему поклонились и спокойным шагом двинулись мимо. Никакой реакции на это не последовало. Тигр, чуть прикрыв глаза, делал вид, будто ничего не произошло. Но вдруг! Хвост его резко дёрнулся вверх. Он повернул голову в сторону ручья и повёл ушами. Кто-то грубо и бесцеремонно вторгся в его владения. Это подтверждали и поднявшие свой треск разведчицы-сороки. Топот ног, лязг железа, какие-то крики... Ай-ай-ай! Как не культурно! И как это невежливо!

Тигр лениво поднялся, мотнул огромной головой и, мелко подёргивая кончиком хвоста, неторопливо направился в сторону, требующую вмешательства хозяина этого места.

Они подходили к большому озеру, на другой стороне которого уже была видна гора Хосан.

«Как вы думаете, он их съел?»

«Вряд ли. Скорее всего, погонял немного по горе в качестве воспитательных мер». – Провидица улыбнулась.

Представив эту картину, Соён рассмеялась.

«Наверное, нам придётся где-то здесь переночевать? Уже темнеет. Обходить озеро в темноте...»

«Не беспокойся, Соён! Мы уже почти пришли».

Они вышли на берег. Лицо девочки обдало лёгким ветром. Поверхность воды чуть дрожала мелкой рябью. Здесь, у берега, ветер был слабее, но его усилий всё же хватало, чтобы расправить белый парус большой лодки, носом уткнувшейся в прибрежную гальку. На корме, у руля, сидел старик в большой соломенной шляпе. Две женщины в длинных белых платьях с чёрной каймой по краям стояли в ожидании возле лодки. Увидев провидицу с Соён, они медленно и с почтением поклонились.

«Последний Лепесток! Мы вас ждали!»

«Они тоже!..» – Соён вскинула взгляд на женщин.

«Да, Соён! Это наши сёстры. Они тоже провидицы» – Молодая женщина положила руку на плечо девочки. – «Поднимайся! Надо отплывать. Ветер усиливается».

Уже ближе к середине озера, Соён почувствовала, что ветер действительно усилился, и слегка сжала плечи. Провидица сняла с себя накидку и укутала девочку.

«А как же вы?»

«Я привыкла». – Молодая женщина улыбнулась.

«Спасибо!» – Соён поклонилась.

Повернувшись к провидице, девочка заглянула в её лицо.

«Скажите, а почему вы меня всё время просили посмотреть, что происходит то там, то там?.. Вы же должны это делать лучше, чем я. Вы меня испытывали?»

Молодая женщина посмотрела куда-то вдаль.

«Нет, Соён. Не испытывала» – Она улыбнулась. – «Да. Я многое могу увидеть. Но только далеко, в будущем. И, думаю, ты тоже этому научишься»

«А то, что я могу сейчас, оно останется?»

«Этого пока никто не знает. Придёт время, и всё выяснится». – Молодая женщина обняла девочку.

Соён стояла и смотрела на приближающийся берег. Уже можно было разглядеть каменные ступени среди выющейся зелени, уходившие вверх к большой площадке со входом в пещеру.

В середине площадки, в сложенном из камней очаге, горел огонь. Очаг окружали женщины в белых платьях с чёрной каймой. А на уступах каменных ступеней и у входа в пещеру стояли молодые девушки. Они тоже были в белом, но одежда была мужской. Их волосы перехватывались белыми лентами, а лица закрывали такого же цвета вуали. В руках у девушек были мечи.

«Это жрицы-защитницы!» – подумала Соён, поднимаясь мимо них по ступеням.

Соён шла вслед за провидицей, и её вдруг охватило какое-то волнение. Закипая где-то глубоко внутри, оно быстро превращалось в какой-то панический страх, убеждавший девочку развернуться и убежать. На некоторое время она перестала видеть окружающее. Только огонь. Огонь в очаге. Огонь вокруг... Солдаты с окровавленными мечами... Женщина в белом платье с чёрной каймой тянет её за собой. Они бегут. Снова огонь. Женщина падает! Кровь... Внезапно... всё исчезло. Все ощущения и мысли. Лицо сделалось холодным и взрослым. Она ступила на площадку и, сделав несколько шагов, остановилась у огня.

– Ты привела её? – Мягкий, но властный голос разрезал тишину.

– Да, госпожа! – Молодая провидица поклонилась.

Главная провидица, высокая женщина в белом, медленно подошла к огню и встала напротив.

– Значит... они называли тебя – Соён!

Она грозно посмотрела в глаза девочки.

– Помнишь ли ты своё настоящее имя?!

– Да! – Девочка подняла затуманенный, но твёрдый взгляд. – Меня зовут, – её глаза сверкнули отблеском пламени, – Последний Лепесток!

Соён услышала СВОЙ ГОЛОС!

Это был голос из её снов.

Часть 4

Трёхлапый Ворон

Глава 1

От нещадно палившего солнца руку жгло, как на жаровне. Правая щека стала красной. Нужно было встать и найти тень. Но сил для этого не осталось. Да и тень в пустыне найти тоже было большой проблемой.

Доксун лежал на песчаном холме. Ночью в пустыне очень холодно, и он так и не смог заснуть до утра. С рассветом потеплело, и сознание мальчика отключилось. Но ближе к полудню солнце разогрело песок так, что очередная добыча пустыни стала прожариваться с двух сторон.

Это была уже третья попытка Доксуна за прошедший год. В первый раз его задержали городские стражники и вернули хозяину. Во второй, уже за городом, танские деревенские мальчишки поймали его и привели назад, получив за это монетку. Правда, двоим из них, Доксун сильно подпортил носы...

И наконец, теперь он добрался до пустыни. Это был самый дальний юго-восточный уголок Гоби. Он был маленьким, и если его пересечь, то можно попасть в Ляоси⁹. А там уже рядом и Когурё. Но маленьким этот «уголок» был только на карте, а в реальности...

Всё же заставив себя подняться, Доксун смотрел с верхушки песчаного холма в сторону горизонта и не видел конца этому жёлтому пространству. Где-то там – Когурё! И где-то там... Перед глазами Доксуна встал горящий дом. Опустив голову, мальчик вздохнул. Но тут же поднял взгляд и уверенно посмотрел вдаль.

Всё равно! Всё равно надо туда вернуться!

Он не знал, что стало с отцом. Но ему казалось, он найдёт его там, где видел в последний раз.

А мама? Её надо похоронить, ведь вряд ли кто-то это сделал...

Забыв про палящее солнце, мальчик стоял и смотрел туда, где был его дом. Это был маленький мальчик с глазами взрослого мужчины. Он смотрел на бесконечные песчаные холмы с твёрдым намерением преодолеть эту пустыню.

Вдохнув полной грудью, Доксун уже собрался сделать первый шаг, как вдруг жёсткая верёвка аркана захлестнула его поперёк груди и повалила на песок.

– Ну всё! Попался змеёныш! Как же ты нас вымотал!

Трое подростков лет на пять старше Доксуна склонились над ним, ловко управляясь с верёвкой.

– Это был третий раз. В следующий – я тебя убью. – Одноглазый мужчина в дорогой, походному подтянутой одежде, говорил спокойным хрипловатым голосом.

«Это я тебя убью!» – Доксун, связанный и стоящий на коленях перед мужчиной, свернул глазами, беззвучно пошевелив губами.

– Знаю. – Мужчина с усмешкой посмотрел в глаза мальчика. – Ты не первый, кто хочет это сделать. Только для этого надо научиться... убивать. А ты всё бегаешь. – Мужчина презрительно скривил губы.

---

⁹ Ляоси – провинция на полуострове Ляодун.

Его звали Мастер Гуаньфэнь. Все знали его, как уважаемого танского торговца. Он привозил из Ляоси добываемую там соль, и дальше его караваны развозили её по всему Северному Китаю. Эти пути были опасными, поскольку традиционно пустыня и прилегающие к ней районы славились обилием разбойничьих банд, грабивших слабые караваны.

Караваны Мастера Гуаньфэня не были слабыми. Это обуславливалось хорошо организованной и сильной защитой. Охранников для этой защиты Мастер готовил сам. Он собирал беспризорников, скупал мальчиков-рабов и тренировал их в своей собственной бойцовой школе.

Таким образом, подойдя к задаче наиболее рационально, Мастер Гуаньфэнь создал процветающее дело, всецело пожиная теперь плоды своего труда.

Но, это была не вся правда о Мастере Гуаньфэне. Положение уважаемого и успешного торговца со своей сильной охранной структурой представляло собой только верхушку горы, в недрах которой скрывалась его истинная сущность.

Его настоящее имя было – Хэбу. Он был потомком царского рода древнего государства Пуё. Много веков назад Пуё пало под натиском Когурё и китайской империи Хань. Но потомки пуёской аристократии из поколения в поколение несли в себе амбиции родового достоинства, видя своё предназначение, если не в возрождении древнего царства, то, по крайней мере, в неустанной борьбе с захватчиками. На данный момент этими захватчиками, где-то в двадцатом поколении, можно было считать всё то же Когурё, за шесть веков не изменившее своего положения, и империю Тан как правопреемницу Ханьской династии.

Для более эффективного исполнения своего предназначения Хэбу-Гуаньфэнь, помимо основной группы охранников, формировал ещё одно, тайное, подразделение. Это были отборные бойцы, не только хорошо подготовленные в воинском искусстве, но и владевшие навыками ведения скрытой войны. И самыми важными их качествами Мастер считал: ум, ярость и стойкость. В поиске этих достоинств он подолгу наблюдал за новичками, пытаясь разглядеть подходящих кандидатов.

«Ну, что ж, зверёныш! Ярость у тебя есть» – Держа за спиной левую руку, Мастер загнул один палец. – «Посмотрим, что дальше».

– Сколько в прошлый раз было? – Мастер пристально посмотрел на Доксуна. – Не молчи, как девчонка. Просто ответь.

– Четыре! – Мальчик вскинул злобный взгляд.

– Шесть. В этот раз – шесть. – Мастер наклонился к мальчику. – В следующий раз – смерть.

Подросток, стоявший за спиной у Доксуна, крикнул в открытую дверь:

– Забирайте! Этому – шесть кругов Тропы Тигра!

Тропа Тигра. Это было не замысловатое, но довольно эффективное мероприятие. Оно заключалось в том, что нужно было пройти определённый путь и по кругу вернуться в исходную точку.

Всё начиналось с огромной хаотично наваленной кучи брёвен. Здесь, на разной высоте, располагались щели между брёвнами, в которые нужно было пролезть. Дальше: надо было пересечь большой пруд, прыгая по столбам, торчавшим из воды; обогнуть тот же пруд, перебираясь по ветвям с одной сосны на другую; пройти по бревну над ямой со змеями и подойти к последнему этапу.

Последний этап был схваткой. Шестеро учеников с деревянными палками охраняли проход к финишу. Они стояли каждый в своём круге и могли бить тебя так, как только смогут, но, не выходя за пределы своего участка. Ты мог также отбиваться палкой или быстро пробежать (если удастся) между расположенными в шахматном порядке кругами.

Солнце шло на закат, уступая место сумеркам. Доксун круг за кругом проходил, ставшее для него более или менее привычным, испытание. На пятом круге он почувствовал, что сил больше нет. В глазах помутнело. Мальчик медленно, но настойчиво шёл вперёд. Четыре раза он падал со столбов в воду. Пытаясь воспользоваться своими навыками стрельбы из лука, он останавливался и, делая вдох, старался успокоиться. Но, загнанное тело неумолимо продолжало дрожать, делая движения неточными.

И вот, последний круг. Доксун шёл, падал, поднимался, полз... В голове не было никаких мыслей кроме удивления от того, что он не может пошевелить рукой или ногой. Преодолев яму со змеями, Доксун подошёл к последнему этапу и упал. Он попытался пошевелиться и опять с удивлением понял, что не может. Эта необычная странность рассмешила мальчика. Он засмеялся. Этот смех резко перешёл в безудержный хохот, затем – в плач. Он смеялся и плакал одновременно. Постепенно лицо начало наливаться злобой, злоба переходила в ярость и... Дотянувшись до палки, Доксун шатаясь, встал на ноги. Крепко сжав своё оружие двумя руками, и шурясь замутнёнными глазами, он вытянул палку перед собой.

– Трёхлапый ворон! Давай! – Раздался одинокий возглас из толпы учеников.

– Трёхлапый ворон! – Подхватил второй.

– Трёхлапый ворон! Трёхлапый ворон! – Кричала уже толпа.

Доксун сделал вдох. С лица исчезли все эмоции. Только напряжённые скулы выдавали стиснутые зубы. Он не стал бежать, уворачиваться и отбиваться. Он напал сам! Напал яростно и жёстко.

Между двумя рядами кругов был узкий, но всё же проход. Каждый участник испытания старался быстро пробежать по этому проходу, отбиваясь от сыпавшихся на него с обеих сторон ударов. Перед защитниками прохода стояла задача: достать палкой, успеть, напасть, избить... Мысли о своей собственной защите в их головы вовсе не приходили. И поэтому, первый противник Доксуна, не ожидая такого поворота, растерялся под его натиском и просто вылетел за пределы своего круга. Второй, с тревогой в глазах наблюдавший за первой схваткой, уже понимал, что происходит, но перестроить своё сознание так и не успел. Всё это было слишком неожиданно. Так никто никогда не делал! Доксун сбил его с ног и сильным ударом по спине лишил возможности подняться. Третий ученик был старше, крупнее и с лицом бывшего уличного разбойника. Он нанёс Доксуну несколько ощутимых ударов. Но это добавило тому ещё больше ярости. Перед глазами мальчика, вдруг возникли танские солдаты и его мама, лежавшая на траве. С удвоенной яростью он обрушился на противника. Мальчик уже ничего не видел, не слышал, не осознавал, где находится... Он хотел только убивать! Убивать танских солдат! Вот, один из них уже упал, но мальчик продолжал его бить... Наконец, закончив с ним, он стал глазами искать следующего. А, вот он! Доксун рванулся к нему, но вдруг чья-то сильная рука остановила его, схватив за плечо.

– Всё! Хватит! – Высокий крепкий мужчина, помощник Мастера, одной рукой держал мальчика за плечо, второй пытаясь вырвать из его рук палку.

Дело в том, что, пройдя троих противников по левой полосе кругов, Доксун уже дошёл до финиша, и «уничтожать» защитников кругов справа не было необходимости. Но в горячке боя мальчик уже ничего не понимал. Ему уже не нужен был никакой финиш. Он хотел только бить врага!

Мужчина дёрнул палку, пытаясь вырвать её из рук мальчика. Тщетно. Мужчина дёрнул ещё, ещё... Глаза Доксуна стали красными. Крепко держа палку двумя руками, он оскалился, словно дикий зверь. Мужчина с немим вопросом обернулся в сторону Мастера. Мастер кивнул, и мужчина сильным ударом кулака опрокинул мальчика на землю. Доксун потерял сознание.

Вокруг стало тихо. Все замерли. Защитники правого ряда кругов облегчённо вздохнули. Вдруг откуда-то с задних рядов толпы учеников пошёл тихий негодующий ропот. Он стал перерастать в гул, постепенно становясь громче, громче...

– Тихо! Успокойтесь! – Мастер поднял вверх руку и с лёгкой усмешкой посмотрел на всю эту возмущённую массу. – Да победил он!.. Ваш ворон.

Толпа взорвалась ликованием. Сотня мальчишеских голосов дружно кричала:

– Во-рон! Трёхлапый Во-рон!

Ещё с первого дня всем запомнился необычный медальон Доксуна, лежавший теперь в шкатулке у Мастера.

Глядя на ликование учеников, Мастер загнул ещё один палец. Потом, вспомнив решение Доксуна атаковать левый ряд противников, загнул третий, но немного подумав, разогнул его обратно. Мало ли... А вдруг это случайность.

Глава 2

– Рад приветствовать вас, уважаемый! Надеюсь, дорога была удачной! – Человек в золотой парчовой накидке по-хозяйски радушно развёл руки в стороны. – И рад наконец-то видеть вас в своём доме!

– Благодарю вас за заботу, уважаемый Фушэнь! Я тоже рад наконец-то посетить Тан! – Когурёский чиновник, одетый в этот раз неофициально, уважительно поклонился.

Сервировка стола и вся обстановка отличались от той, что была при их последней встрече. В прошлый раз там, в Когурё, всё это выглядело более сурово и грубо. Здесь же, в «центре мира», можно было рассчитывать на что-то более тонкое и изысканное. И опытный взгляд чиновника выхватывал, отмечая про себя, все эти радующие его детали, чтобы по возвращении устроить и у себя дома нечто подобное.

– Вас можно поздравить?

– С чем?

– Ну... судя по тому, что уже год никто нигде не может найти генерала Ыльчи Мундока, вам всё удалось.

– Ах, вы об этом! – Фушэнь, чуть понизив голос, наклонился ближе к собеседнику. – Он прыгнул в пропасть. Когда наши солдаты его окружили.

– Вот как! – Слегка прищурившись, чиновник закивал головой.

– Но! Здесь есть нечто странное.

Чиновник вопросительно посмотрел на Фушэня.

– Дело в том, что сведения о местонахождении генерала к нашим военным поступили не от меня.

– Как же?.. Это же я вам тогда сообщил!

– Да-да! И я уже собирался... Но! Меня кто-то опередил. Когда я посылал донесение, оказывается, наши солдаты были уже в пути.

– Странно! – Поглаживая аккуратно постриженную бородку, чиновник задумался.

– Вот и я – о том же. – Хозяин разлил по кубкам вино. – Конечно, в конце концов, всё вышло совсем не плохо... Но! Сюрпризы в таких делах...

– Вот именно! – Чиновник с кивком головы принял кубок из рук хозяина дома. – Ведь, враг твоего врага...

– ...не всегда твой друг! – Фушэнь выпил из своего кубка. – А тем более, когда он... тайный.

– Ну что же! – Чиновник тоже выпил. – По возвращении в Когурё, я займусь этим вопросом.

«Вот он! Ну, наконец-то!» – Глаза радостно блеснули. Крепкий бородатый мужчина с широкой коричневой лентой, охватывающей копну густых чёрных волос, присел на корточки и положил ладонь на большой отпечаток зверя. Примятая трава и вдавленные в почву полосы длинных когтей. Это был след медведя.

– Вождь! Вы нашли! – Коренастый человек с большими крепкими руками и в одежде из волчьей шкуры присел рядом.

– Тише! Он где-то недалеко. След свежий.

Кальтэ – вождь племени Мохэ. Вот уже два дня он безуспешно пытался напасть на след этого хитрого зверя, и вот, наконец... удача!

Племя не нуждалось в провианте, и вождя не интересовало мясо. Ему нужно было нечто другое: медвежья жёлчь и медвежий жир. Он мог послать за этим воинов своего племени, но считал, что ответственность слишком велика. Надо было поставить на ноги друга. Или даже – брата.

Его нашли на речной отмели. Прыгнув со скалы, он задел торчавший камень и сломал об него ключицу. Но в воду протекавшей на дне ущелья реки он вошёл удачно. Бурная горная река несла его с большой скоростью, ударяя о камни и подбрасывая на перекатах. Наконец, она вышла на равнину и успокоилась, прибив к отмели бесчувственное тело.

Его долго лечили и выхаживали. Кризис миновал, но жизненные силы всё никак не возвращались. Если бы он был молодым... Но в возрасте генерала простого лечения было не достаточно.

Медвежь: жёлчь и жир. Вот то, что могло вернуть силы человеку, который хотел уйти от войны, но к которому она пришла сама.

Запретив воинам вмешиваться, Кальтэ с копьём в руках сам пошёл на медведя. Ему нужно было это. Это или что-то ещё. Он точно не знал. Горечь, досада, жажда мести... Всё это не давало ему успокоиться. Перед глазами стояли останки сгоревшего дома.

Вождь и его воины прочесали тогда всё плато, все склоны и прилегающие леса. Но, его сестру и племянника так и не нашли. Нашли только одно тело – переодетого в мохэ танского солдата, брошенного в спешке своими. С горячей ненавистью в глазах и издавая при этом звуки, похожие на звериный рык, Кальтэ рубил это тело своим огромным топором. Но облегчения душе это не приносило. И сейчас, сразив медведя, у которого, учитывая терзающую ярость вождя мохэ, не было никаких шансов, Кальтэ немного успокоился. Осознание того, что добытое средство поставит брата Ыльчи на ноги, облегчало и настраивало на спокойные и рациональные мысли.

«Мы их найдём, брат! Обязательно!» – Качаясь в седле, Кальтэ в первый раз за долгое время улыбнулся.

Глава 3

Трёхлапый ворон. Древний символ, созданный на заре основания царства Когурё. За шесть столетий его изображали неисчислимое количество раз. В дереве, камне, бронзе... Рисовали на бумаге, на ткани. Выливали из золота.

В последнем варианте он выглядел как-то более значимым и недостижимым. Но, несмотря на это, он был здесь. Вписанный в окружность медальона, он лежал в детской ладони и поблёскивал на солнце.

Больше суток, постепенно возвращаясь из своих потусторонних скитаний в реальный мир, Доксун пролежал на соломенной циновке в бараке. А утром пришёл Мастер и положил у его изголовья маленький кожаный мешочек.

– Забирай! Он действительно твой. – Присев на корточки, мужчина пристально посмотрел в глаза мальчика. – Теперь вижу – ты его не украл. И, наверное, – Мастер усмехнулся, – ты его получил не просто так.

Уже уходя, одноглазый мужчина остановился в дверях и, словно что-то вспомнив, обернулся.

– Трёхлапый Ворон? – Мастер на мгновение задумался и снова усмехнулся. – Подходит! Теперь это твоё имя.

Тайная группа Мастера Гуаньфэня тренировалась в особом горном лагере. Во избежание лишних любопытных взглядов и вопросов, там был построен соляной склад, куда свозили всю соль и откуда, затем отправляли её караванами во все стороны.

Попадая время от времени в поле зрения Мастера, Доксун наталкивал последнего на мысль – а не отправить ли мальчишку в горный лагерь? И каждый раз, критически поразмыслив, Мастер приходил к выводу, что, пожалуй, не стоит торопиться, а проверить его как-нибудь ещё раз. Неизвестно, сколько бы этот вопрос так и висел не решённым, но подвернулся случай, который расставил всё на свои места и решил дальнейшую судьбу мальчика.

Однажды Мастеру донесли, что на один из его караванов разбойники готовят засаду. Собрав всех старших учеников и помощника, он собрался выехать навстречу каравану, но тут вспомнил, что завтра – день рождения жены начальника городской стражи, у которой служанка украла её любимую нефритовую статуэтку. Служанку наказали, но пропажу так и не нашли. А на днях Мастеру удалось, благодаря своим связям в среде городских воришек и скупщиков краденого, найти эту статуэтку. Это был очень удобный случай завязать перспективные отношения. Узнав, что у хозяйки нефритовой находки скоро день рождения, Гуаньфэнь решил, что такой подарок имениннице придётся по вкусу.

И вот. Эти постоянно не вовремя появляющиеся негодяи-разбойники рушили такой тонкий и изящный план. Вручить подарок сейчас, перед отъездом, было бы верхом неприличия, поскольку только начинался час Зайца и беспокоить в такую рань...

Можно было бы подождать с подарком до возвращения из рейда, но тогда терялся эффект.

Мастер непривычно для себя занервничал. Но тут, он заметил Доксуна, выходявшего вместе с другими учениками на утреннюю тренировку. Мозг Мастера неосознанно искал кандидата для выполнения деликатного поручения. Ему не хотелось, чтобы столь красивый жест был испорчен зверской физиономией порученца. И под давлением возникшей необходимости единственный глаз Гуаньфэня заметил, что Доксун внешне не такой, как остальные мальчишки.

Разумеется, лицо отпрыска когурёских аристократов не могло не отличаться от лиц его товарищей по бараку. И Мастер сделал свой выбор. Он оттянул Доксуна в сторону и объяснил, где лежит подарок и письмо с поздравлением, а также – когда и куда его надо отнести и солидно вручить от имени Мастера Гуаньфэня.

Таким образом, вроде бы решив проблему, Мастер отправился на эту, в общем-то, не сложную боевую операцию, чтобы преподать урок негодяям, покусившимся на его авторитет.

Операция прошла успешно. Правда, не без сюрпризов. Отряд Мастера едва сам не угодил в засаду, избежав этой участи лишь благодаря помощнику Гуаньфэня. Тальчи, как звали помощника, был родом из этих мест и в команде Мастера считался экспертом по всевозможным хитростям и ловушкам. Он обратил внимание, что из деревни, через которую они проезжали, исчезли все попрошайки, назойливо докучавшие обычно. Быстро перегруппировавшись по плану того же Тальчи, бойцы Мастера, застав врасплох, ликвидировали засаду и благополучно встретили караван. Банда «Чёрных скорпионов» осталась в тот день без добычи.

На свою базу, вместе с караваном Мастер вернулся только к ночи следующего дня. Отдав последние распоряжения, он направился в свою комнату. Изрядно уставший, Мастер уже предвкушал, как упадёт мёртвым сном на свою кровать. Он потянулся к дверной ручке, и... Мастер вдруг замер с повисшей в воздухе рукой. На ручку была намотана верёвка.

Это была давняя привычка Гуаньфэня. Дело в том, что детство своё он провёл в горной деревушке, где постоянные ветра распахивали двери домов. Это доставляло много хлопот, потому что куры, жившие вместе с людьми в маленьких лачугах, разбегались. Однажды, тогда ещё маленькому, Хэбу надоело вечно гоняться за глупыми птицами, и он придумал привязывать дверь верёвкой. С годами у него даже выработался свой способ, и хоть теперь в этом не было необходимости, Мастер продолжал закрывать свою дверь таким способом – привязывать за ручку верёвкой перекрученным зигзагом со вставленной посередине щепочкой.

Он стоял перед дверью, пытаясь понять, что же его так насторожило. И вдруг до него дошло. Эту верёвку, без сомнения, навязал на ручку он сам. Вот и щепочка была на месте. Он быстро сбросил верёвку и, вбежав в комнату, быстрым взглядом окинул сундук под окном. На сундуке была небрежно разложена карта той местности, куда отправлялся отряд Мастера, со стоявшим на ней недопитым кубком вина. Всё оказалось нетронутым. Таким, каким он это оставил, отправляясь навстречу каравану.

Яростное раздражение захлестнуло Мастера, Он даже не стал заглядывать в сундук. Настолько всё было очевидным.

«Он, что, спросонья ничего не понял?!» – Мастер, злобно сжав кулаки, выбежал из комнаты.

Гуаньфэнь бежал к бараку, бормоча проклятья и с мыслью, что, наверное, он всё-таки убьёт этого мальчишку! Ведь так подставить... Даже самый тупой из учеников мог бы без труда выполнить такое простое поручение! Никак! Ну, никак не ожидал!

Вбежав в барак, Мастер схватил Доксуна за ворот и поднял с циновки. Хотел сразу же ударить. Но сдержался и спокойным, насколько смог, голосом спросил:

– Ну?... Ты выполнил моё поручение?

Ожидая увидеть растерянное выражение лица, Мастер злорадно представил, что он сейчас сделает с этим недоумком, и сжал кулак.

– Ну... да! А почему вы спрашиваете? – Мальчик с недоумением смотрел на Мастера. – Вы что, письмо не нашли?

– Какое письмо? – Мастер опешил.

– Я всё передал. И подарок, и ваше письмо. Хозяйка была очень рада и написала ответ.

Мастер не шевелился и не менял выражения лица. Истолковав такую реакцию по своему, мальчик, помявшись, продолжил:

– Ну... Там ещё... В общем, эта женщина угостила меня сладостями. Ну... Я взял. Немного. Но, она сама...

– Да, ладно – со сладостями! Письмо где? То, что она передала?

– Так там же! – Мальчик удивлённо уставился на Мастера. – Где был и подарок, и ваше письмо. Я его туда же положил. В красную лаковую шкатулку в сундуке.

Гуаньфэня начало отпускать, и он вздохнул.

– Точно?

– Точно!

– Ну, ладно. Ложись, давай... спать.

Добравшись до своей комнаты, Мастер, уже не торопясь, спокойно вошёл и внимательно осмотрелся. Подойдя к сундуку, аккуратно приподнял, стоявший на карте, кубок. Капля вина, скатившись ранее по стенке кубка, оставила на карте тонкий засохший кружок. Кубок стоял точно вписанный в этот след.

С большими сомнениями, продолжая действовать лишь благодаря инерции, Мастер открыл сундук и вынул красную шкатулку. Ему пришло в голову, что всё это – какое-то сумасшествие и сейчас он увидит там нефритовую статуэтку и своё письмо.

Он открыл шкатулку... Сомнений не оставалось. Статуэтка отсутствовала, а скрученный свиток был явно другой – бумага была очень белая и дорогая. Он развернул письмо и, прочитав, довольно улыбнулся. Оно было коротким, но не оставлявшим никаких сомнений в том, что акция удалась и перспективным отношениям – быть!

Свернув письмо и положив обратно, Мастер посмотрел на кубок и вспомнил... Кубок, карта, сундук, верёвка на двери... Его брови нахмурились.

«Да это просто бред какой-то! Он кто такой?!» – В сознании Гуаньфэня повеяло чем-то мистическим.

Мастер вышел на улицу. Чёрное небо сверкало звёздными россыпями. Тёплый ветерок приятно и успокаивающе обдувал лицо. На толстом бревне возле коновязи сидел Тальчи и, задрав голову, тоже смотрел на звёзды. В раздумье, Гуаньфэнь подошёл и сел рядом. Они смотрели на звёзды. Потом Мастер поделился с помощником последними новостями и своими сомнениями. Потом они снова смотрели на звёзды.

– Мастер! – Тальчи улыбнулся. – Я думаю, мальчишку пора отправлять в горы. На соляной склад.

– Эх... сам знаю. – Мастер вздохнул. – Просто... Он меня немного пугает. Что это вообще!..

– Такие, – Тальчи усмехнулся, – иногда приходят... в этот мир. Никто... не знает – откуда.

– Честно, Тальчи?! Я и не хочу этого знать. – Мастер уверенно загнул третий палец.

Глава 4

Отблески мерцающего пламени создавали в темноте иллюзию таинственного шевеления на раскидистых ветвях. Двое мужчин сидели у костра. Один из них изредка подкидывал в костёр обломки сухих веток.

– Мне кажется, рука начала понемногу шевелиться.

– Так должно быть. Тот медведь был молодой и сильный. Сейчас его сила переходит к тебе.

– Мне сказали, ты сам его убил. Спасибо, брат!

– Да какое там спасибо! – Мужчина досадно цокнул языком. – Вот если бы ты меня тогда послушал! Не надо было бы сейчас никакого спасибо. Ведь я сказал тебе – живи здесь, у нас. Нет! Оюн захотела жить в горах! Да мало ли чего она... – Увидев, как изменилось лицо собеседника, мужчина замер на полуслове и продолжил уже примирительно. – Ладно, не думай! Я же сказал – найдём мы их!

– Кальтэ! Я видел. Она была мертва. – Мужчина говорил медленно и спокойно.

– А потом встала и ушла? Мы всё там обыскали! И ты её всё-таки плохо знаешь. Потому, что относишься к ней, как к ребёнку. А она только прикидывается слабенькой. Я же её с детства знаю.

Кальтэ вспомнил, как в детстве, Оюн тогда было лет пять, они играли в воинов и дрались на палках. Малышка тогда часто притворялась, что ей сильно попало и, хватаясь то за ногу, то за живот, падала на землю и плакала. А когда он подбегал к ней, чтобы поднять и утешить, она вдруг била его палкой по голове и смеялась. А ещё, она как-то потерялась в лесу. Её искали три дня, и нашли... спящей с перепачканным лицом на большой куче всевозможного лесного провианта, который она насобираала, словно, запасливая белка.

Кальтэ улыбнулся.

– Неет, Ыльчи! Не могла она умереть. Да и Доксун тоже. С кровью таких родителей, как ты и моя сестра...

Ыльчи благодарно кивнул.

Они сидели, каждый со своими мыслями, и молча смотрели на огонь.

– Знаешь, Кальтэ! – Генерал поднял немного усталый взгляд. – Я думаю, это всё было спланировано не в Тан. Сделали танские солдаты, а задумано было... в Когурё. И если так, то из-за меня у вас могут быть неприятности. Если узнают, что я здесь...

– На счёт неприятностей – вряд ли. Думаю, Когурё сейчас не до нас и не до тебя.

– Какие-то новости?

– Да. Король низложен. На троне теперь его племянник – Почжан.

– Вот как! – Ыльчи усмехнулся. – Значит, генерал Ён добился, чего хотел.

– А чего он хотел?

– Фактическим правителем теперь будет он. И наше и без того военное государство станет ещё более военным.

– Разве это плохо? Сильная армия – это защита и порядок.

– Да. Но этого недостаточно. Надо уделять внимание и многому другому. Например, как в Силла и Пэкче.

– Силла и Пэкче? Да они должны быть благодарны вам! Уже столько веков Когурё, как железный щит, не даёт до них добраться всем этим ненасытным империям: Хань, Суй, теперь вот, Тан!..

– Да... Это так. Но... если в стране думают только о войне, то перестают развиваться: науки, искусство и вся культура. А это очень важно. Это – основа, на которой стоит всё. В том числе и армия. В Пэкче, конечно, с последним королём всё изменилось к худшему. Но вот, в Силла...

– О, это я знаю! Их прошлая королева такая... Ну... в общем, вызывает уважение!

– Да. Королева Сондок показала всем, как можно нормально жить, развивая науку, культуру, удобное для всех управление... Я слышал, люди из Пэкче уходят в Силла целыми деревнями. Разве это не говорит о многом? Ведь люди – самое большое богатство любого государства.

Соглашаясь, Кальтэ задумчиво кивал головой.

Часть 5

Хваран

Глава 1

В большинстве случаев, гроза и подобные ей явления, несут с собой массу неприятных моментов, основным из которых является внезапность. Это приводит к хаотичным попыткам принятия срочных решений, к стрессу от понимания, что сделать это правильно в данных обстоятельствах невозможно и т. д.

И с каким же радостным облегчением воспринимается тот факт, что гроза прошла мимо. Пошумела немного и прошла. Задела лишь самым краешком, обронив на вашу голову всего несколько дождевых капель. Она, конечно, не исчезла совсем. А продолжает, изредка громыхая, бродить по соседним районам. Но! У вас теперь есть время, чтобы основательно, не торопясь, подготовиться.

Королева Чиндок не умерла. Как сказал придворный лекарь, Будда даровал ей ещё несколько мгновений в этом мире. Никто не знал, сколько времени продлятся эти мгновения, но все облегчённо вздохнули.

Сандэдына и круг посвящённых членов дворянства также порадовало то обстоятельство, что, возможно, теперь не нужно будет выбирать между двумя «рыбами».

– Я вижу, у вас хорошее настроение, Военный министр!

– О, благодарю вас, сандэдын! Вы правы. И ведь есть чему радоваться! Хотя мы с вами и остановились в прошлый раз на «золотой рыбе», всё же мне этот вариант был не совсем по душе. Кстати, слышали последнюю новость?

– Какую?

– Принц со своим монахом в нетрезвом виде ворвались на дворцовую кухню и заставили служанок устроить им банкет на верхней террасе.

– Им что, в городе заведений не хватает! – Старик осуждающе покачал головой.

– Да их уже никуда не пускают. Они же не платят никому. – Губы Военного министра сложились в презрительную усмешку. – В общем, устроили такой шум во дворце! Это при том, что королева больна.

– И что? Никто не смог прекратить это безобразие?

– Пытались. Но принц выхватил меч и кричал, что это его дворец и любого, кто... В общем, если бы не вмешалась принцесса Чинсон... Ей удалось уговорить принца. Но при этом, она не особо утруждала себя вежливостью, и... – Военный министр наклонился к сандэдыну и перешёл на шёпот. – По глазам принца было видно, что он ей этого не простит.

– Да-а! Хорошо, что мы теперь избавлены от этого варианта. – Старик, вдруг, искоса посмотрел на Военного министра. – А, кстати, как сейчас поживает ваш внук?

– Благодарю вас за ваше внимание, сандэдын! С ним всё хорошо. Растёт здоровым и крепким.

– Ну да, ну да... – Старик задумчиво покивал головой. – А ведь у него есть немного королевской крови. Не так ли? Мать его – племянница королевы?

– Двоюродная племянница. Можно сказать, несколько капель там присутствуют! – Военный министр весело рассмеялся, но тут же осёкся и серьёзно посмотрел на сандэдына. – Вы хотите сказать...

– Да, Уважаемый! Вот пришла внезапно в голову такая мысль. – Старик хитро прищурился. – И с каждой минутой она мне всё больше нравится. Правда, он еще, наверное, немного маловат. Сколько ему?

– Шесть!

– Да, чуть-чуть не дорос пока. Но! Если королева, благослови Будда её здоровье, ещё пару лет продержится, то...

– О, благодарю вас, сандэдын! Вы воистину мудрый человек!

– Но! Даже когда всё произойдёт, ваш внук ещё долго будет не в полном возрасте. И я думаю, вы понимаете, кто должен стать... регентом? – Старик пристально посмотрел в глаза Военному министру.

– О! Разумеется! Я, конечно, понимаю! Разве могут быть какие-то сомнения!

– Ну, вот и хорошо. Считайте, что этот вопрос решили. – Старик небрежно кивнул в ответ на поклон Военного министра и в хорошем расположении духа двинулся дальше.

Глава 2

Прошёл год, и жизнь Минсока изменилась. Музыка, которая помогла подростку устоять на ногах, повела его дальше, изменив характер или, может быть, просто разбудив его истинную сущность. Минсок стал уверенным в себе. И это не было уверенностью незыблемой скалы. А скорее, осознанная сила маленького вёрткого хищника, вроде хорька или выдры. Всегда подвижный, с искромётной иронией в уверенном взгляде, он теперь ощущал в себе какую-то исключительную способность, благодаря которой, с долей юмора, но всё же небезосновательно, мог считать себя лучшим бойцом среди хваранов своей возрастной параллели.

Перестав биться за физические показатели, вечно догоняя тех, кто от рождения был более приспособлен к мышечному совершенствованию, Минсок пошёл к достижению их общих целей другим путём. Теперь, его можно было часто заметить сидящим где-нибудь в отдалении со своей флейтой в руках. Здесь он создавал свою новую музыку и тем самым, как ни парадоксально это прозвучит... оттачивал своё боевое мастерство.

Держась приблизительно в рамках одной и той же музыкальной темы, эта мелодия являлась постоянной импровизацией и была похожа на быстрый горный ручей с неожиданными поворотами и каскадами. Иногда здесь появлялась какая-то вёрткая птичка, мелко дрожа крыльями зависавшая над ручьём, а затем молниеносно выхватывающая из воды маленькую рыбку. Всё это теперь и определяло основной рисунок и характер движений Минсока. Никаких больших замахов и ударов сокрушающей силы. А – только скорость, лёгкость, точность, импровизация... И всё это под руководством такого же лёгкого, способного мгновенно перестраиваться, сознания.

Таким образом, Минсок неожиданно для себя создал свой собственный стиль, подходящий только ему одному.

Общественная жизнь Минсока тоже изменилась. Его всё чаще стал привлекать к различным организационным моментам командир их отряда, Сохён. Тем более что сам командир стал много времени проводить в резиденции Хранительницы хваранов, постепенно становясь доверенным лицом принцессы Чинсон.

Однажды Сохён дал Минсоку одно деликатное поручение. Сам он не мог уделить этому внимания, поскольку отряд «Летающих магов», разумеется, во главе со своим командиром, отправлялся на манёвры. Нужно было сопровождать принцессу в тайной поездке. Для этого Минсок должен был оставить в казарме хваранскую форму и переодеться во что-нибудь не привлекающее внимание.

Они выехали верхом в сторону пэкческой границы. И через некоторое время встретили на дороге большую группу людей. Мужчины и женщины, дети и старики. Они несли на себе разный домашний скраб.

Подъехав ближе, наши путники увидели, что у большинства мужчин были связаны руки. И сопровождали всю группу люди, с виду напоминавшие мелких торговцев, только вооружённые копьями и мечами.

– Кто эти люди? – Принцесса остановила коня посередине дороги, прямо перед толстым человеком с копьём в руках.

– Это беженцы из Пэкче. – Толстый человек поклонился.

– Почему они связаны, и куда вы их ведёте?

– Мы их поймали у границы, и теперь они будут нашими рабами.

– И кто так решил? – Принцесса улыбнулась.

Толстому не понравился тон принцессы, и он нахмурился.

– Мы так решили! И вообще, отъехали бы вы в сторону, а то мы можем...

– Ты как разговариваешь! – Сверкнув глазами, Минсок схватился за рукоять меча и, тронув с места коня, встал между толстяком и принцессой.

Толстяк отшатнулся и инстинктивно закрыл голову свободной рукой. Он вдруг испугался. По тону Минсока, по рукояти меча и по всему его облику толстяк понял, что перед ним – хваран. И тогда... Молодая знатная особа в сопровождении хварана... О, Будда!

Бросив копье, толстяк упал на колени.

– Простите! Простите меня, Ваше Высочество! Мы так долго шли! И так устали! Моя голова, наверное... О, простите!

– Хватит! Успокойся! – Принцесса резко оборвала причитания толстяка. – Лучше скажи, почему вы вдруг решили... что можете сделать этих людей своими рабами?

– Ну как же! – Толстяк поднял голову. – Они же пэкчесцы. Мы их поймали на нашей территории. Теперь они наши рабы.

– Как твоё имя?

– Ким Ёндаль, Ваше Высочество!

– Ты, – принцесса пристально посмотрела в глаза толстяка, – каясец?

– Ну, – толстяк помялся, – мои предки были из Кая. Но! Я силласец!

– А кем бы... ты был сейчас, если бы королева Сондок не сожгла списки вашего народа и не сделала твоих предков полноценными гражданами этой страны?

Толстяк опустил голову и через некоторое время вздохнул.

– Простите, Ваше Высочество! – Он смиренно сложил ладони перед собой. – Я понял. Я, действительно, всё понял.

– Эти люди, – принцесса окинула взглядом беженцев, – идут к нам за помощью. Они вероятно наслышаны, что здесь не имеет значения, откуда ты родом – из Силла, Пэкче или Кая... Мы всех примем и всем окажем должную поддержку! Ты разве этого не знал?

– Знал, Ваше Высочество! Конечно, знал! Но только ведь королева Сондок умерла. И сейчас всё становится, как раньше. Ведь дворяне...

– Нет! Ничего не будет, как раньше! Всё останется так, как установила королева Сондок! Запомните это!

– Да-да! Мы запомнили! – Толстяк кивал головой.

– А этих людей, – принцесса обвела рукой толпу, – отведите в крепость вон за тем холмом. Передадите их генералу Ким Юсину. Кстати, он тоже каясец. Но в отличие от вас... никогда не забывал, чего стоила свобода вашему народу.

Они ехали дальше, размеренно покачиваясь в сёдлах. Впереди было огромное поле, усеянное полевыми цветами, а за ними – густой лес, уходящий в гору.

– Надо почаще выходить из дворца. – С лёгким раздражением, принцесса отмахнулась от назойливого овода. – Сразу начинаешь видеть реальную картину мира. – Принцесса придержала коня и поравнялась с Минсоком. – Ведь надо же! Ну, я знала, что дворяне начинают чув-

ствовать себя вольготнее. Но, оказывается, они уже так далеко зашли, что у народа создаётся впечатление, что всё возвращается к прошлому! – Принцесса улыбнулась и искоса посмотрела на Минсока. – Тебя ведь, кажется, Минсоком зовут?

– Да, Ваше Высочество!

– Ну, а что ты обо всём этом думаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.